

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА БОЛЬШИЕ КНИГИ

Николай
Леонов

ВЫСТРЕЛ
В СПИНУ
ОБРЕЧЕН
НА ПОБЕДУ

« А З Б У К А »

Русская литература. Большие книги

Николай Леонов

**Выстрел в спину.
Обречен на победу**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Леонов Н. И.

Выстрел в спину. Обречен на победу / Н. И. Леонов — «Азбука-Аттикус», — (Русская литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24873-1

Имя Николая Леонова хорошо известно поклонникам детективного жанра. В 1950–1960-х годах будущий писатель работал в Московском уголовном розыске, а покинув органы МВД в звании капитана, занялся литературным творчеством. Он автор множества романов и повестей, признанных классикой отечественного детектива и ставших «школой» для следующего поколения писателей. Леонову в равной мере прекрасно удавались как исторические детективы (например, знаменитые «Трактир на Пятницкой» и «Операция „Викинг“»), так и детективы из повседневной жизни. Большой успех писателю принес цикл популярных детективных повестей об инспекторе Льве Гурове. «Явка с повинной» – первое произведение цикла и первое дело Гурова, где возникает образ следователя, умеющего мыслить нетривиально и внимательно изучающего психологию преступника. В этой, как и в следующих повестях («Выстрел в спину», «Ловушка» и «Обречен на победу»), включенных в настоящее издание, перед следователем Гуровым стоит непростая задача – вычислить преступника при ограниченном числе подозреваемых и отсутствии прямых улик. В каждом своем произведении Леонов мастерски выстраивает сюжет и сохраняет интригу до конца. Повести о сыщике Гурове хорошо известны по экранизациям, причем Николай Леонов сам писал сценарии к фильмам; в начале 2000-х годов по мотивам этого цикла А. Башировым был снят сериал «Удачи тебе, сыщик».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-24873-1

© Леонов Н. И.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Явка с повинной	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Глава шестая	38
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Леонов
Выстрел в спину. Обречен на победу
Повести

© Н. И. Леонов (наследники), 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Явка с повинной

Глава первая

Инспектор уголовного розыска Лев Гуров облокотился на металлический барьерчик и с любопытством разглядывал ипподром.

По кругу в легких игрушечных колясках проезжали наездники, они сидели откинувшись, скорее полулежали, смешно задрав ноги. Лошади были разномастные и, если можно так выразиться, разнокалиберные. Одни высокие, мощные, с широкой грудью, другие миниатюрные, с тонкими хрупкими ногами. Все без исключения удивительно красивые.

Гуров давно собирался выбраться на ипподром, все откладывал, сегодня был здесь впервые и не ожидал, что лошади могут быть такими красивыми и произвести на него, человека современного и рационального, сильное впечатление.

Льву Ивановичу Гурову было двадцать шесть лет, и поэтому его отчество упоминалось лишь в документах. Он окончил юрфак университета и четвертый год работал в уголовном розыске.

Вчера начальник отдела полковник Константин Константинович Турилин попросил Гурова остаться после оперативки и торжественно вручил ему пустую, пахнущую конторским клеем папку, на которой было написано: «Уголовно-розыскное дело по раскрытию убийства гражданина Логинова Б. А.». Турилин, вручая пустую папку, порекомендовал почаще заглядывать и советоваться, а сейчас немедленно отправляться к следователю прокуратуры, получить от него указания и действовать, чтобы установить «неизвестное лицо, совершившее убийство гр-на Логинова Б. А.».

Борис Алексеевич Логинов более тридцати лет работал наездником на ипподроме; три дня назад он был найден мертвым в стойле всеобщего любимца рысака Гладиятора. На виске Логинова была запекшаяся рана, на правой задней подкове жеребца обнаружили следы крови. Составили все необходимые документы, мол, произошел несчастный случай. Но на следующий день эксперты научно-технического отдела дали заключение, что Логинов был убит не ударом подковы. Все это Гуров узнал от следователя прокуратуры, который встретил его вежливо, но без особого энтузиазма.

Гуров три раза перечитал протокол осмотра места происшествия и протоколы допросов людей, работавших в конюшне вместе с Логиновым, попытался разобраться в заключениях экспертиз, но тут же запутался в терминологии.

Николай Тимофеевич, так звали следователя, довольно бесцеремонно забрал у Гурова папку с уголовным делом, сел рядом.

– Вот что, Лев Иванович, – он вздохнул. – Можно называть вас Лево́й? Вот и прекрасно. С врачами и экспертами я беседовал. Логинова убили, знаменитый Гладиятор не имеет к происшедшему никакого отношения. Удар был нанесен острым металлическим предметом сверху вниз. Такого острого края у подковы нет, и на такую глубину в височную кость подкова проникнуть не могла. Так что давайте искать убийцу. Вы знаете ипподром? Нет? Ваш Турилин всегда удивлял меня. Отправляйтесь, Лева, к нему, составляйте ваш план розыска, затем – на ипподром. Звоните, приходите в любое время.

Гуров взглянул на проезжавших мимо лошадей и направился в административный корпус. Он прошелся по тихому прохладному коридору, постоял у доски Почета, вынул из кармана сложенную вчетверо глянцевою бумагу, развернув, в который уже раз перечитал: «Редакция журнала просит оказать содействие литератору Л. И. Шатрову, который работает над пове-

стью, рассказывающей о работе ипподрома». Фамилию Гуров на всякий случай изменил, а имя и отчество оставил.

На двери, рядом с которой он стоял, раздумывая, красовалась табличка: «Главный зоотехник М. Г. Бондарева». Решая, как расшифровываются эти «М. Г.», он постучал и вошел в кабинет, поклонившись сидевшей за столом крупной, уже не молодой женщине, смутился, молча протянул письмо редакции.

– Бондарева. Мария Григорьевна, – прочитав бумагу, сказала она и протянула руку.

Пожимая плотную сильную ладонь, Гуров замешкался и покраснел. Наградили же родители именем. Представляться «Лев» смешно и претенциозно. Яшин – тот действительно Лев. Говорить «Лева», так сразу хочется добавить: «Из Могилева». Так дразнили его ребята в школе. Машины Левушка и Левчик вообще в счет не шли.

– Лев Иванович. – Он скомкал отчество, почувствовал, что покраснел до неприличия. Тоже милая черта краснеть по каждому поводу и без оно, это удивительно помогает в работе с людьми.

Бондарева жестом предложила ему сесть, вздохнув, отодвинула лежавшие перед ней бумаги, словно расставалась с недоеденными пирожными, ловко, по-мужски закурила «Беломор».

– Ну-с, Лев Иванович? – Она внимательно оглядела Гурова, но он уже оправился и ответил обзоруживающей улыбкой. Лева знал, что улыбка у него отменная. – Что же вас интересует?

«Кто убил наездника Логинова», – мог бы ответить Гуров, но сдержал столь естественный и правдивый ответ, задумался, рассудил, что ему только двадцать шесть, литератор он начинающий, и искренне сказал, что пока точно не знает, в основном, конечно, люди.

Бондарева откинулась в массивном кресле, одобрительно улыбнулась, глядя поверх Гурова, тут же нахмурилась неизвестным ему мыслям и неторопливо заговорила:

– Что же, мы, конечно, заинтересованы в прессе... – Она опустила взгляд на Гурова. – У нас бывают художники, фотографы, журналисты. – Бондарева замолчала, провела сильной ладонью по столу, в ее глазах появились вопрос, сомнение, даже просьба. – Некоторым выдашь пропуск, а он на конюшню не пойдет даже, толкается в призовые дни на трибунах, играет.

Упоминание о тотализаторе вернуло мысли Гурова к убитому наезднику. Тотализатор. О нем говорили Турилин и следователь прокуратуры, а он, Гуров, и не видел никогда этот тотализатор. Бондарева расценила молчание посетителя как растерянность и продолжала увереннее:

– Люди вас интересуют. У нас, как и везде, люди разные. Иной оформится, думает, здесь золотое дно, проработает месяц и уволится. Есть такие, которые через конюшню хотят попасть сюда, поближе к кассе.

Гуров украдкой оглянулся, кассового окошечка видно не было. Обычный служебный кабинет, скромненькая мебель, никакого тебе тотализатора, даже лошадыми не пахнет. А вот от слов Бондаревой деньгами запахло. Видно было, что эти деньги раздражают главного зоотехника.

– Замечательные у нас люди. Замечательные! Фанатики конного спорта! Лошади, лошади какие у нас! Поэма! Сказка! – Бондарева замолчала неожиданно, как бы смутившись своего порыва. – Есть и людишки. Есть, к сожалению.

– Я найду на трибуны, – сказал Гуров. – Меня интересует ипподром в целом.

– Конечно, конечно, – согласилась Бондарева и взглянула вновь подозрительно. – Можно дать вам пропуск дня на три-четыре.

– Нет уж, спасибо, – Гурова совершенно не прельщала перспектива каждый раз брать билет и платить восемьдесят копеек, однако не отказаться он уже не мог.

– Почему же, дадим, – виновато сказала Бондарева.

– Спасибо, – Гуров отрицательно покачал головой. – Я хотел бы познакомиться с тренотделением Григорьевой, – излишне резко сказал он, давая понять, что разговор о пропуске закончен, пришел он сюда работать и пора начинать.

– Нина Петровна человек очень интересный, талантливый, но...

– Извините, – Гуров встал, – я хотел бы пойти именно к Григорьевой.

Бондарева хотела сказать, что здесь хозяйка она, но сдержалась и промолчала. Гуров ждал. Высокий, худой и очень стройный, в изящном дорогом костюме, глаза голубые, наивные, краснеет, как девица. Он, видимо, пришел сюда по делу. Не игрок, конечно, не игрок, думала Бондарева, разглядывая Гурова снизу вверх. Однако Нине сейчас не до писателей.

Бондарева с Гуровым вышли из административного корпуса, Мария Григорьевна указала на противоположную сторону ипподрома.

– Шестое тренотделение. Я позвоню.

– Благодарю, Мария Григорьевна. Извините за беспокойство. – Гуров раскланялся, легко перепрыгнул через барьерчик и пошел полем.

«Ничего, сейчас Нина тебе работенку определит, хорош ты будешь в отутюженном костюмчике да с манжетами», – не без злорадства подумала Бондарева, глядя ему вслед. Она еще постояла немного, полюбовалась лошадьми и вернулась в кабинет, чтобы позвонить Нине.

Гуров пересек поле. Длинные белого камня конюшни, у которых бегали неизвестной породы собаки. Жарко, малоллюдно и тихо, процокают подковы по асфальту, выедет наездник на круг ипподрома – и не слышно его, лошадь где-то фыркнет, звякнет ведро, и вновь тишина, даже не верится, что находишься в центре огромного города.

После яркого солнца в конюшне темно, Гуров задержался у входа, ждал, пока глаза привыкнут. Пахло лошадьми, но совсем не так резко, как он ожидал. Гуров пошел по коридору, читая таблички: «Гиацинт», «Виринея», «Кустанай». Красивые, немного загадочные имена. Гуров знал, что в пятом стойле находится знаменитый дербист Гладиатор, у ног которого три дня назад нашли тело Логинова. Лева не хотел подходить к этому стойлу, успеется, да и на фотографии он все хорошо видел, сейчас там стоит знаменитый жеребец, и все, трупы нет.

Гуров повел плечами, оглянулся. Никого. Виринея, тихо всхрапнув, ткнулась лбом в прутья денника, потянулась к нему. Гуров погладил мягкую теплую кожу.

– Известная попрошайка, – из соседнего денника вышел молодой парень, хлопнул Виринею по морде. – Иди, иди, бегать научись сначала. Сахар потом.

Конюху было лет двадцать с небольшим, звали его Колей.

– Мария Григорьевна уже звонила, Нина Петровна сейчас на кругу, тренирует Лотоса. – Все это он сообщил Гурову, вытирая белые веснушчатые руки ветошью и глядя равнодушно в сторону, затем вернулся в стойло и, опустившись на колени, начал бинтовать ноги вороной лошади по кличке Роковая.

– Не брыкается? – после долгой паузы спросил Гуров и чуть было не откусил себе язык. Ведь надо такой вопросик придумать. Парень-то считает, что Логинов погиб от удара своей лошади.

– Привыкла, – односложно ответил Коля.

Гуров разозлился.

Тишина и уют, прохлада и приятные запахи, конюх Коля с веснушчатыми полными руками. Кобыла с издевательской кличкой Роковая, а Логинова убил якобы Гладиатор, на самом же деле убийцей может быть конюх Коля, такой спокойный и флегматичный с виду.

Почему он так спокойно и беспечно сидит у самых копыт, если считает, что Логинова пристукнули точно в такой ситуации?

Гуров изучил все анкетные данные как этого Коли, так и остальных работников конюшни. Штат малюсенький, выбор невелик: мастер-наездник, она же руководитель отделения, Григорьева, практически отпадает. И биография ее безупречная, и не женское дело проламывать

головы. Коля, как известно Гурову, прошлой осенью демобилизовался, хочет стать наездником, второй конюх – Рогозин Михаил Яковлевич, шестидесяти двух лет, работает здесь с сорок шестого. Два молодых наездника, оба недавно из армии. Известно о них крайне мало. Еще здесь бывает прикрепленный к отделению кузнец Петрушин.

Из этих и выбирай, Гуров. Если даже никто из них не убивал, все равно хотя бы косвенное отношение к убийству иметь должен. Так ему вчера говорил Константин Константинович. Анкетные данные всех работников тренотделения Гуров выписал из протоколов допросов, подшитых в уголовном деле. Результаты экспертизы им неизвестны, все, кроме убийцы, естественно, считают, что произошел несчастный случай.

Тихо в конюшне, уютно, лошади шуршат в денниках, изредка всхрапывают или трутся боком о перегородку. Идиллия. Человека убили, и все тихо, спокойно. Мастер занят своим делом, конюх – своим, остальных вообще не видно. Гуров прошел до конца конюшни, насчитал шестнадцать денников с одной стороны, соответственно столько же – с другой.

Знаменитый рекордист и дербист Гладиатор от своих соседей внешне не отличался – темно-гнедой, статный и выхоленный. Гуров взглянул на него мельком, не стоило останавливаться рядом с местом убийства, ведь кто-то может наблюдать за ним, «писателем», со стороны. Кто-то, имеющий отношение к убийству, напряжен и нервен, он подозрителен, может элементарное любопытство истолковать по-своему. Тогда легенда Гурова, конспирация и весь план розыска полетят к черту. План? А в чем он, собственно, состоит? Познакомиться с людьми, постараться понять их. Все было ясно и понятно в кабинете Константина Константиновича. Здесь же с тобой и разговаривать-то никто не хочет. Попробуй разберись.

В конце конюшни две расположенные друг против друга комнаты. В правой отдыхают наездники. Гуров заглянул. Наездники отдыхали в полном смысле слова, сладко спали, один даже храпел. На столе пакеты с молоком, мятая газета, хлеб, колбаса. В комнате напротив пусто, резиденция начальства. Григорьева Нина Петровна, двадцать восемь лет, незамужняя... Гуров вошел, сел около круглого стола, покрытого красной плюшевой, кажется, пыльной, скатертью, огляделся. Говорят, вещи рассказывают о человеке правдивее, чем он сам. Что же, начнем, слева направо, по часовой стрелке, как при обыске.

У стены, рядом с дверью, огромный деревянный сундук. Лет сундуку столько, что его вполне можно назвать историческим. На сундуке стояли вполне современные весы. В углу, по другой стене – комод. Не шкаф, не сервант, а комод – дубовый, резной. Он брат, племянник, возможно, отец сундука. Ну, еще вот стол, на который он, Гуров, облокотился. На нем приемник, молодой сравнительно, сорока лет не будет. Вазочка с очаровательной восковой розочкой, на лепестках пыль. Дорожка-половичок, между комодом и шкафом половичок хорошо смотрится. Напротив двери окно, при поверхностном осмотре – его не открывали и не мыли... в этом-то году уж точно. Главное украшение комнаты – картина. Она висит на стене. На ней изображен конь. Плоский, мертвый конь сундучно-комодного цвета.

Что же можно сказать о хозяйке такой комнаты? Конечно, Григорьева здесь не живет, но ведь какое-то время проводит? Гуров сделал в блокноте несколько пометок, услышал у входа в конюшню цокот подков, голоса, вышел из комнаты. На фоне яркого проема распахнутых ворот были четко видны лошадь, коляска и человеческие фигуры.

Лошадь, на которой приехала Григорьева, была вся в мыле. Наездница и конюх быстро распрягли. Коля повел лошадь прогуливать, а Григорьева, даже не взглянув на Гурова, сказала: – Помогите мне.

Он понял, что надо откатить коляску, и тут же убедился, что она совсем не такая изящная и легкая, какой выглядит со стороны. Григорьева была невысокого роста, с чуть косолапой походкой, шлем закрывал волосы, поднятые очки – лоб, лицо было грязное и злое. Гуров смущенно отвел глаза и стал наблюдать, как конюх Коля подвел лошадь к расположенной неподалеку площадке, в центре которой торчал столб с приделанными к нему параллельно земле

шестами. Сооружение напоминало детские карусели. Конюх пристегнул лошадь к концу шеста, и она пошла по кругу, трясая головой, роняя хлопья пены.

Наездница возилась со снаряжением и украдкой разглядывала гостя. Чистенький, выложенный, похож на эстрадного артиста. Лицо растерянное, удивленное, а уж молод-то, двадцать два, двадцать три, не больше. Лева действительно выглядел моложе своих лет и от этого еще больше стеснялся. Нина оглядела свой покрытый пылью мужской костюм, который делал ее похожей на водолаза.

– Эй! – умышленно грубо окликнула она Гурова. – Писать сюда пришли?

– Простите? – Гуров залюбовался лошадыю, которую мыл конюх. Он вылил на нее несколько ведер воды, теперь чистил, а она фыркала, раздувала ноздри, блестела шелковыми боками, была нереально красива, будто пожаловала сюда прямо из сказки.

– Неужели ее может кто-то обогнать? – забыв, что к нему обратились с вопросом, пробормотал Гуров.

– Это Лотос. Ленька, – подчеркивая мужской пол, насмешливо сказала Григорьева. – Ленька лодырь, еще не жеребец, а так себе. Кроме королевских кровей и таланта, ничего нет.

– Чего ничего? Раз талант...

– На одном таланте далеко не уедешь, – Нина ударила хлыстом по сапогу и рассмеялась. – Запомните и деньги на этого бездельника не ставьте.

Гуров задрал подбородок и высокомерно оглядел наездницу. Он мгновенно забыл, что он инспектор уголовного розыска, «писатель», расследует убийство, что ему нужны хорошие, доверительные отношения, что он разговаривает с мастером-наездником, хозяйкой тренотделения, в котором ему необходимо провести не один день. Он был уязвлен и ответил заносчиво и глупо:

– Послушайте, как вас там, Нина Петровна, кажется?

Глядя на пылающие щеки юноши, Нина расхохоталась еще громче.

– Писатель! Знаю, знаю. У меня тут скульптор был, – давась от смеха, говорила она. – Эдакий мэтр, с трубкой. Не только лошадей, меня ваять собирался. В соседней конюшне художник, к Василию фотокорреспондент похаживал...

– У Прохорыча один журналист ден пять навоз убирал, – вставил вышедший из конюшни молодой наездник.

В пылу гнева Гуров не заметил, что его окружили работники конюшни. Проснулись и вышли на него посмотреть два молодых наездника, неизвестно откуда появился старый конюх Рогозин. Все улыбались, смотрели на пришельца с любопытством и насмешкой. Гуров пересилил себя, хотел тоже улыбнуться и пошутить.

– Хватит! – Нина вновь ударила хлыстом по сапогу. – Михалыч, выводи Риту.

Все занялись своим делом. Рогозин (видимо, его здесь звали Михалычем) побежал выводить Роковую, вот почему Коля бинтовал ей ноги. Коля завел в стойло Лотоса-Леньку. А он, вымытый и вычищенный, тут же упал на солому и стал кататься, поджимая ноги, словно собака.

– Дурак он и есть дурак, – ласково сказала Григорьева шедшему за ней Гурову. – А вам работать надо, иначе ничего не узнаете.

– Не помешаю?

– Нам нужен любой человек, – сделал ударение на предпоследнем слове, ответила Григорьева. Она остановилась, протянула руку: – Нина.

– Лева, – Гуров впервые назвал свое имя без запинки.

– Работайте, Лева, – она оглядела его костюм. – Мы начинаем в семь утра.

– Буду стараться бывать почаще, – ответил Гуров и прижался к стойлу, так как конюх выводил Роковую.

– Блокнотик положите, подержите лошадь, – сказала Нина, и он только сейчас заметил, что все время держал в руке блокнот.

Гуров встал против морды лошади, принял от Нины узду. Рита смотрела удивленно, мотнула головой.

– Осторожнее, кусается!

Гуров напрягся. Шутит или серьезно? Рита неторопливо тянулась мягкими губами к правой руке, когда он потянул налево, она ткнулась мордой в левую руку. Григорьева рассмеялась.

– Не дергайте, иначе Рита подаст назад. – И через несколько секунд добавила: – Отпустите.

Гуров опустил затекшие от напряжения руки, отскочил в сторону. Нина выехала из конюшни и скрылась за поворотом.

Какими-то делами занимались наездники. Михалыч развешивал на крючках, привинченных к наружной стороне стойл, мешочки с овсом, конюх Коля сидел уже под другой лошастью и бинтовал ей ногу, значит готовил к тренировке. Григорьева уехала, и стало вновь тихо.

Однако именно здесь убили человека. С семнадцати до девятнадцати, как утверждает эксперт. Убили и бросили под копыта жеребца, на котором мастер-наездник Логинов за час до этого выиграл очередной заезд.

Гуров вздохнул и поплелся в комнату Нины Григорьевой. Что делать-то, как убийцу искать? Как бы с людьми подружиться для начала?

Глава вторая

Борис Алексеевич Логинов был убит в июньский воскресный день. В шестнадцать часов он участвовал в заезде, выиграл его, вернулся на конюшню. Гладиатора распрягли, выгуляли, вымыли и вычистили. Логинов в это время находился в комнате начальника отделения. Комната была формально за Ниной Григорьевой, фактически ее занимал Логинов. Став мастером-наездником в конце сороковых годов, он получил конюшню и занял эту комнату. Как и многие сегодняшние мастера, Нина была его ученицей. Когда после смерти жены Логинов начал выпивать и, по выражению наездников, засбоил и стал сходить с круга, начальство отстранило его от руководства тренотделением. Должность предложили Григорьевой. Она отказывалась, но Логинов ее уговорил. «Ты умница и человек ученый, – объяснял он, – однако все равно поначалу тяжело будет. Тут я рядом, подскажу чего, подмогу. Меня же, старого, все одно снимут, так уж лучше я на привычном месте, рядом с тобой буду». Нина согласилась, и они сначала формально, а затем и фактически поменялись местами. Но комнату Нина ему оставила, заходила туда редко.

Итак, в то воскресенье конюхи, приняв от Логинова Гладиатора, приводили его в норму, а старый наездник направился в свои апартаменты, где, как всем было известно, у него имелась четвертинка и бутылка пива. Через полчаса, когда Гришу, так звали на конюшне Гладиатора, заводили уже в стойло, Логинов, улыбочивый, с блестящими глазами и подозрительно оттопыривающимся карманом, появился в коридоре. Через десять минут, то есть в семнадцать часов, начинался очень интересный заезд, конюхи хотели его посмотреть и торопились, а надо было еще снять с жеребца бинты. Логинов покровительственно усмехнулся, сказал, чтобы ребята топали на круг, он, старый, сам посидит с Гришей и сам разбинтует ему ноги. Конюхи отлично знали, что Гладиатор любимец Логинова. Наездник вместе с Ниной вытенировал жеребца и поднял его на высшую ступень лошадиной славы. В руках Логинова жеребец выиграл в прошлом году дерби, а Нина привела его первым на больших международных соревнованиях с новым всесоюзным рекордом. В общем, конюхи знали, что наезднику побыть с Гришей одно удовольствие, и заторопились на круг.

Заезды шли на редкость интересные, от конюшни Григорьевой больше никто не участвовал, все чувствовали себя вольготно, смотрели соревнования до конца. Григорьева тоже следила за состязаниями до последнего заезда, а затем, то есть в девятнадцать часов, вернулись все на конюшню.

Логинов лежал в стойле Гладиатора, на виске старого мастера уже запеклась кровь.

Начальник отдела уголовного розыска полковник Константин Константинович Турилин встретился со следователем прокуратуры лишь через двое суток после убийства – происшествие было зарегистрировано как несчастный случай. Он ознакомился с протоколом осмотра, фотографиями, заключением врача и эксперта научно-технического отдела; следов волочения на обуви, одежде, теле и на полу конюшни обнаружено не было. Турилин сделал естественный вывод, что Логинов либо был убит прямо в стойле, либо принесен туда после убийства. Посоветовавшись со следователем, Турилин решил факт убийства гласности не предавать, пусть преступник считает, что инсценировка несчастного случая обманула следствие. Сотрудники тренотделения допросили, выяснили, что в период с семнадцати до девятнадцати часов все они следили за соревнованиями и находились в поле зрения друг друга. Следователь вел допросы таким образом, словно он пытался установить, не виновен ли кто в пьянстве Логинова, не было ли у него собутыльника, напоминал о постановлении по усилению борьбы против пьянства. Нет, никто не уходил, все стояли недалеко друг от друга. Сначала возникла версия, что Григорьева ушла с круга на несколько минут раньше всех. Так заявил конюх Рогозин, которого допрашивали первым, но затем все остальные и сама Григорьева это категорически

отрицали. Рогозин же при повторной беседе, сославшись на память, признал ошибку и взял свои показания назад. Ни следователь, ни Турилин не верили, что подобное убийство могла совершить женщина, да и врач категорически утверждал, что удар был нанесен очень сильной рукой.

Итак, предстоял розыск убийцы. Турилин долго думал, кому из сотрудников его поручить, и остановился в конце концов на кандидатуре Гурова.

Когда три с лишним года назад Лев Иванович Гуров пришел в отдел, Турилин встретил его крайне сдержанно. Папа – генерал, мама – врач, сам мальчик, а иначе Леву тогда и назвать было нельзя, производил впечатление существа инфантильного и избалованного. Во время получасовой беседы с Турилиным он несколько раз краснел. Константин Константинович не считал, что работа в розыске требует недюжинной физической силы и отчаянного мужества, однако определенная специфика имеется. Льву Ивановичу Гурову, по мнению полковника Турилина, работавшего в розыске с сорок седьмого, профессия сыщика была противопоказана.

«Дурью мучается. На романтику потянуло, – сказал тогда Турилин начальнику управления кадров. – Не возьму, простите, товарищ генерал, у меня и без вашего Левы забот хватает». Генерал посмеялся вместе с полковником, однако не согласился, объяснил, что парнишка окончил университет с отличием, серьезно увлекается психологией, мама у него в данной области классный специалист, в общем, Гурова настоятельно рекомендуют, согласие начальника городского управления получено.

Льва Ивановича Гурова зачислили приказом, лейтенант, инспектор Управления уголовного розыска начал свою деятельность в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями. Турилин отнесся к новому подчиненному подчеркнуто беспристрастно, направил его в самую сильную группу, где было у кого поучиться, мол, послужи, голубчик. Быстренько тебе надоест, уволишься, устроит тебя папа портфельчик по ковровым коридорам таскать, не волнуйся, все будет ладушки.

Группа, в которую пришел Лева Гуров, считалась в отделе лучшей. Руководитель – пятидесятилетний подполковник Трофим Васильевич Ломакин – единственный человек в группе, не имевший высшего образования. Семь лет он заочно учился в высшей школе, закончил лишь три курса, однако специалистом был классным, асом розыскного дела. Были в группе два брата-близнеца Коля и Толя Птицыны. Майоры тридцати четырех лет, в розыске двенадцать, оба закончили университет, и фамилия им скорее подошла бы Орловы, Соколовы, а злые языки утверждали, что и Стервятниковы тоже. Когда в группе появился Лева, братья, глазом не моргнув, свалили на новичка всю грязную работу. Лева не плакал, пахал, молчал и в группе прижился. Турилин давно собирался поручить Гурову самостоятельное дело. Соответствовал Гуров и еще одному требованию – был абсолютно не похож на сотрудника милиции. Жена Турилина как-то на торжественном вечере сказала: «Только не уверяй меня, Костя, что тот вон голубоглазый высокий юноша с руками Клиберна тоже у тебя работает». Турилин отшутился, что этот артист, конечно, не работает, но высказывание жены запомнил.

Дело по убийству на ипподроме Турилин взял под личный контроль, определив группе Ломакина три основные линии работы.

Первая. Мечь из-за женщины, какая-либо ссора в личной жизни.

Вторая. Преступник воевал вместе с Логиновым. Что-то компрометирующее о преступнике Логинов знал.

Третья. Преступление связано с деньгами, которые преступник получил либо собирался получить на ипподроме.

Так Турилин с Гуровым и назвали версии: личная, военная и ипподром. Опыт розыскной работы подсказывал, что реальнее всего третья версия, но работа в розыске почти всегда

основана на принципе: обнаружить искомое можно, лишь отбросив все ненужное. Ведь сказал кто-то: статую создать крайне просто, надо взять глыбу мрамора и отколоть все лишнее.

Версии личную и военную Турилин поручил отработать братьям Птицыным. Они выслушали полковника с улыбкой, братья были сыщики из настоящих, поэтому прекрасно понимали, что они убирают шлак, очищают подход Гурову, так как вгрызаться в настоящую породу досталось именно ему. Братья работали серьезно. Они на своем опыте прекрасно знали, сколько раз Лева станет казаться, что он идет по ложному следу. Если все боковые версии будут вымощены безукоризненно, он станет упорнее, увереннее, от его уверенности зависит успех.

Турилин выслушал Левин отчет о первом дне, передал ему рапорты Птицыных и спросил: – Кто он такой, этот убийца? Расскажите мне о нем, Лева.

Гуров облокотился на стол, очень по-детски подпер ладонью щеку, так малыши готовятся слушать вечернюю сказку, долго молчал, наконец, задумчиво глядя куда-то вверх, проговорил:

– Зависит от мотивов, Константин Константинович. Грубо рассуждая, последних может быть два. Месть, расплата за неудачу. Второе – захват добычи. В первом случае убийство совершено с заранее обдуманым намерением, заранее обдумана инсценировка несчастного случая. При втором варианте убийство могло быть совершено спонтанно. Неудача. Вспышка. Состояние аффекта. Удар. Осознание, испуг, инсценировка. Отсюда – две разные модели человеческой психики.

– Я запрошу справку о результатах всех заездов за последний месяц и о денежных выплатах. Вам же следует в кратчайший срок установить круг лиц на соседних конюшнях, которые могли находиться на улице с пяти до семи вечера и могли видеть проходившего человека. Следователь их допросит. Главное же, Лева, вот в чем: нам с вами не разобраться в тонкостях бегов, тотализаторных делах и за год. Вы должны найти на конюшне человека, которому можно довериться. Вам нужна помощь профессионала. Он объяснит вам психологию заездов того дня, вы сделаете соответствующий вывод и доложите о нем мне. Что-то произошло, чего нам с вами не дано понять. Что? Найдите человека, который вам ответит на этот вопрос, и вы очень продвинетесь.

Глава третья

На следующий день была пятница, в восемнадцать начинались бега, они проводятся по воскресеньям, средам и пятницам. Лева подошел к ипподрому около четырех, кассы еще не открывались, однако у главного входа уже собирались завсегдатаи, шелестели программками, обсуждали результаты проходивших в среду и прошедшее воскресенье заездов. Позднее Гуров узнал, что настоящие игроки судят не только по родословной лошади, наезднику и последнему результату, но придают большое значение разминке.

Все это Лева узнал через несколько дней, сегодня же с удивлением смотрел на людей, стремящихся попасть на трибуны за два часа до начала. У многих из присутствующих на груди болтались полевые бинокли, а у иных даже секундомеры. Лева не курил, однако сигареты и зажигалку всегда имел при себе: угостить сигаретой или попросить спичку – простейший способ знакомства. Так и сейчас, слоняясь между собравшейся у центральной колоннады публикой и слушая русские, но почти непонятные слова и выражения, Лева неторопливо достал пачку сигарет, зажигалку, медленно вынув сигарету, стал ее разминать.

– Брось мне заправлять, все не так было, – говорили рядом. – В середине дистанции повел Секрет, после посылы хлыстом плохо сбился, закинулся и съехал.

– Веселая сегодня в хороших шансах считается.

– А я говорю, что второй подошла Пихта.

– Капитальный жеребец или нет? Ты мне скажи, скажи?

Никто никого не слушал, на вопросы не отвечал, каждый говорил свое. На Левину сигарету не обращали внимания, он сунул ее назад в пачку. Слушая разговоры знатоков, Лева убеждался, насколько прав Константин Константинович, самому разобраться в бегах невозможно. Однако совет Турилина открыться перед кем-нибудь в тренотделении Григорьевой Леве тоже не нравился. Наставника следует искать здесь, среди завсегдатаев.

В стоявшей неподалеку группе мужчин кто-то громко сказал: «Гладиатор». Лева, услышав знакомую кличку, подошел ближе.

– Не так проходил заезд, не так, – доказывал какой-то шикарно одетый мужчина с огромным золотым перстнем на пухлой руке. – С первого номера повела Веселая. При выходе из поворота ее перехватил Гастролер. Гладиатор шел третьим, на втором повороте он выдвинулся и с поля вступил в борьбу с Веселой. А по бровке ее захватывал Гастролер, и Веселая сбилась. Тут Борис, – Гуров догадался, что рассказчик говорит о покойном наезднике Логинове, – в сильном посыле удержал Гладиатора на полкорпуса впереди Гастролера.

– Зачем мудрить-то было? – спросил неказистый мужчина и бесцеремонно взял из пачки Гурова сигарету (Лева забыл, что все еще держит ее в руках). – Нина на Гладиаторе как на противоположную прямую выходит, выезжает вперед на два корпуса, так и привозит их за милую душу.

– Верно, что Логинова зарезали?

– Ну, трепачи. Сегодня хоронили, я сейчас с кладбища. Поддал Борис, упал, виском об железаку...

– Говорят, его Гладиатор стукнул...

– Разве Гладиатор может ударить наездника, ты что, ошалел?

– Да спился Борис. Видал, как ипподром в него не верил? За Гладиатора дают три целковых. Нина ехала бы, так за Гладиатора в одинаре рупь тридцать давали бы. Борька ехал, против и играли, считали, проиграть может.

– Кто-то крупно играл против Гладиатора. Сотенную поставил, верно говорю?

– Сто? – мужчина с перстнем рассмеялся. – Больше, гораздо больше.

– Когда едет Гладиатор, я вообще не играю, – сказал маленький мужичонка, все одобрительно закивали. – Он выиграет – копейку получишь, против него играть – дураком надо быть.

– Вот-вот, а кто-то против него такие деньги зарядил. На что человек рассчитывал?

Открылись кассы. Разговоры прервались на полуслове, и все устремились на ипподром. Лева пошел в обход, к конюшням.

Обогнув ипподром, он оказался у служебного входа, ведущего непосредственно к конюшням, достал свою бумажку из редакции, гадая, возьмее ли она необходимое действие. На него никто не обратил внимания, точно так же, как и на конюшне, где все было иначе, чем вчера. Ни тишины, ни покоя, все чем-то заняты, если и отвечают на приветствия, то лишь рассеянным кивком. Лева все-таки удалось перебраться несколькими фразами с конюхами, он узнал: кормят лошадь за четыре часа до езды, за полтора проминают, затем вытирают пену, перебинтовывают ноги. Лева записал все в блокнот.

У конюшни прогуливались люди, обстановка свободная, внутрь может войти кто угодно. Прогуливаются жены наездников и конюхов, проявляют интерес к результатам заездов, знают лошадей по именам, иногда держат их при мытье.

Приехала с разминки Нина, отдала лошадь, пересела в другую коляску и вновь уехала. На Гурова она даже не взглянула.

Вокруг все в непрерывном движении: распрягают, моют, поят, прогуливают, выводят, вновь запрягают.

– Что же ты такой дурак? Когда ездить научишься? – слышался укоризненный голос Нины. Гуров стоял в стороне, понимая, что она проиграла и сейчас ей не до разговоров.

Снова все убежали на круг, Гуров один бродил по конюшне, старый Рогозин вилами ворошил сено. Очки, сползающие по потной переносице, делали его похожим скорее на бухгалтера, чем на конюха. Гурову стало стыдно своей праздности и никчемности, он предложил конюху помощь.

– Не надо. Мне помогать не надо, – раздраженно ответил Рогозин, почти крикнул, воткнул вилы и ушел в темноту конюшни. Лева казалось, что оттуда, из темноты, стекла очков сердито поблескивали в его сторону. Рогозин переживает смерть Логинова? Они были ровесниками. Присутствовал Рогозин сегодня на похоронах или нет? И ему, Гурову, не мешало бы сходить. Шляпа. Первое самостоятельное дело, надо работать, он же топчется здесь без толку.

– Молодец. Только что ты на дорожке выделывал? – к конюшне подъехала на взмыленной лошади Григорьева. – И чеку порвал зачем? И что это за лошадь такая несурзая? Стой, говорю.

Коля уже выпрягал, излишне суетился, сиял веснушками. Нина пыталась сохранять серьезность, однако улыбка светилась в глазах.

– Молодец, Нинок! – крикнул, направляясь в соседнюю конюшню тоже на взмыленной лошади, наездник. Гуров услышал, как он говорил своему конюху: – Как выиграла, как выиграла, стерва.

– Так ведь дочка Петра Степановича, – распрягая, отвечал конюх. – Кровь одна. Династия.

А Нина, присев у ворот конюшни на какой-то ржавый каркас, прихлебывала из пакета молоко и смотрела, как Коля и Рогозин запрягают гнедую кобылу. Лошадь перебирала ногами, казалось, ей доставляют удовольствие многочисленные ремни, железный мундштук она взяла охотно, при этом все время косилась на Нину, отлично понимая, что эти двое сейчас уйдут, а Нина сядет сзади, возьмет вожжи и хлыст.

– Нина Петровна, – уныло заговорил Коля, и Гуров понял, что конюх сейчас начнет просить. – Нина Петровна, – повторял он еще протяжнее, поглаживая лошадь и выглядывая из-за нее, как из засады.

– Да черт с тобой, делай, как желаешь. – Нина смяла пустой пакет, вытерла ладонью лицо и взяла у Рогозина вожжи. – Балуешь парня, Михалыч. Он же этого абсолютно, – произнесла она длинно, нараспев, – не стоит.

Только она отъехала, как Коля обратился к Рогозину:

– Классный мастер, скажи? Как Алмаза привела?

– Топай, топай. Связал Алмаза с Верочкой? – Рогозин взглянул в сторону ипподрома. – Может приехать, вполне может, – пробормотал он и ушел вглубь конюшни.

Коля через приятелей поставил деньги, хотя работникам конюшни играть категорически запрещалось. Он поставил на дубль Алмаз – Виринея. На Алмазе Григорьева выиграла, теперь Колин успех зависел от резвости Верочки и мастерства наездницы. Колюх стряхнул с себя ковбойку, направился к крану и только сейчас заметил Гурова. Смотрел на него долго, решая, слышал или нет, коли слышал, то понял ли? Гуров спокойно выдержал взгляд конюха, открыл блокнот и записал: «Конюх Коля играет».

– Пишешь? – Коля начал мыться, брызгаясь и фыркая, продолжал: – На час раньше ухожу, а разговоров-то, будто Михалыч одну Верочку не примет и не умоет. Последняя от нас пошла, понял? Так ты зря тут стоишь.

– А бега еще не кончаются? – спросил Гуров.

– Шесть заездов осталось.

– Строгая у вас начальница, – поддерживая разговор, сказал Гуров. – Наверное, при Логинове легче жилось?

Коля сосредоточенно мылся, Гуров решил уже, не дождавшись ответа, идти на круг, когда конюх прополоскал рот и сказал:

– Я у него не работал, пришел, уже эта заправляла, – взглянув на Гурова, он неожиданно рассмеялся и подмигнул. – А ведь кто-то ее... а? Целует кто-то, говорю, а?

– Думаю, что это неинтересно, – ответил Лева. Ему не понравился такой оборот разговора.

– Чего? Нинка не интересна? – Коля поперхнулся от возмущения. – Ты чего понимаешь, писатель? – Со стороны поля донеслись частые удары гонга. Коля плюнул Гурову под ноги и убежал внутрь конюшни.

Гуров пошел к трибунам. Он один пересекал широкое поле, казалось, все зрители только на него и смотрят. Наконец поле кончилось, у калитки стояла женщина с повязкой, Лева представил, как бы на его месте поступили Птицыны, и вместо уже почти слетавших с языка: «Здравствуйте, извините, пожалуйста», коротко обронил: «Пресса» – и прошел на трибуны. Они напоминали трибуны стадиона, только публика здесь в основном не сидела, а стояла, ходила, даже бегала. Под ногами – настил брошенных билетов тотализатора. Совсем недавно все эти картонные квадратики были рублями. Гуров выбрал одиноко стоявшего мужчину, который нетерпеливо поглядывал на электрическое табло, и, протянув пачку сигарет, сказал:

– Простите, пожалуйста, у вас спички не найдется?

Мужчина взял сигарету, чиркнул зажигалкой, они закурили.

– Простите, я в первый раз...

– Молодец, и не ходи сюда, – перебил Гурова мужчина. – Дурачково поле. Помнишь, Буратино золотые закапывал?

– Кот Базилио, лиса Алиса. Помню, – Лева рассмеялся.

– По кругу ездят коты и лисы, а мы здесь деньги закапываем и ждем.

– Я не играю, – сказал Гуров.

– Молодец, – ответил мужчина, не сводя глаз с электрического табло. Наконец там появились цифры, мужчина выругался. – За Нинку полтора целковых, – он показал Лева несколько билетов. – Играл ее пятеркой.

– Теперь семь пятьдесят получите?

Мужчина вздохнул и отвернулся, воспользовавшись случаем, Лева выбросил сигарету. Неожиданно мужчина схватил его за рукав.

– В первый раз здесь? Не играл никогда? – Лева кивнул, мужчина сунул ему мятую, исчерканную карандашом программку. – Кто в следующем заезде выиграет?

Лева растерянно перелистнул программку, догадался, что прошел седьмой, значит нужен восьмой заезд. Десять лошадей, указаны наездники, какие-то цифры. Лева понимал, что мужчина верит в счастье новичка, и выбрал кобылу с красивым именем Лесная Бабочка. Мужчина вздохнул и лишь махнул на Леву рукой, затем долго рассматривал программку и свои записи, сходил к кассам, сделал ставку и вернулся. Лева за это время съел пирожок с неизвестной начинкой. Мужчину, как выяснилось, звали Сеня, о бегах знал абсолютно все. Не глядя в программку, Сеня без запинки называл отца и мать любого рысака, знал, из какого рысак тренотделения. Он с гордостью сообщил, что посещает «дурачково поле» (иначе ипподром он не называл) третий десяток лет.

На табло появились новые цифры: семь и три, напротив – двенадцать. Сеня дал пояснения: Алмаз ехал под седьмым номером, Верочка под третьим, выиграла комбинация семь – три, двенадцать – сумма выигрыша.

– Простите, я вам надоел, возможно, – Лева виновато улыбнулся. – Как же могло получиться, что в прошлое воскресенье, мне здесь рассказывали, за Гладиатора в одинаре три рубля платили? Он же известный жеребец. Дербист и рекордист. Почему на него не ставили?

– Смысла нет, – ответил Сеня. – Если все на одну лошадь ставят, выигрывает лишь ипподром.

– Однако платили три за рубль, – рассуждал Лева. – Сколько же людей против него играло?

– Ну, лишнего не заплатят, дорогой, – уверенно ответил Сеня. Услышав частые звуки гонга, сзывающего лошадей на старт, он повернулся к Лева спиной, смотрел, как лошади по двум бровкам друг за другом медленно направились к старту, развернулись с стартовым столбам. Перед лошадьми ехал «москвич», сзади у него были развернуты как бы самолетные крылья, которые удерживали лошадей в одной шеренге. «Москвич» разогнался, убрал свои крылья, раздался гонг, и лошади понеслись. Лева хотел еще поговорить с новым приятелем, однако Сеню сейчас ничто не могло отвлечь от бега.

Лева взглянул на «великого лошаdnика» Сеню, решив вернуться к их разговору несколько позже. Он чувствовал, что получил ценную информацию, обрабатывать ее следует в спокойной обстановке.

Он шел под трибунами, вдоль ограды, решил подняться, взглянуть на поле и бегущих лошадей сверху.

– Писатель! – крикнули из ложи, он повернулся и увидел конюха Колю. – Иди к нам, писатель.

Коля, одетый франтом, с еще мокрыми от недавнего мытья волосами, занимал с компанией целую ложу. Лева раскланялся, назвал себя, в ответ услышал: Аня, Наташа. Какой-то мужчина, лет около сорока, сидел, облокотившись на парапет, чуть привстав, он учтиво наклонил голову, имени не назвал, но улыбнулся открыто, покосился на Колю, вновь улыбнулся, словно извиняясь перед Лева за своего приятеля, который столь бесцеремонно окликнул его, отодвинул стоявший рядом с ним пустой стул и жестом пригласил «писателя». Только когда Лева сел, мужчина представился:

– Крошин Александр Александрович.

– Очень приятно, – ответил Лева и повернул свой стул так, чтобы не сидеть к девушкам спиной.

Александр Александрович положил ему на плечо руку и вновь улыбнулся.

– Бросьте, Лев, здесь на такие мелочи не обращают внимания. – Имя Гурова прозвучало у него очень естественно, Лева не уловил насмешки. – Слышал, собираетесь писать. Статья, очерк или что-то более серьезное? – глаза у Александра Александровича были лукавые и очень молодые. «Он не намного меня старше, подумал Лева, – только держится не в пример мне очень уверенно и солидно».

– Журнал заказал очерк, – ответил он после небольшой паузы.

– Как здоровье Кирилла Петровича? – спросил Александр Александрович, делая какую-то пометку в программке.

Лева очень скверно запоминал имена и фамилии. Кто такой Кирилл Петрович? Он, вероятно, работает в журнале, на бланке которого была отпечатана бумажка, открывшая Лева ворота ипподрома. Не главный редактор, с которым Лева познакомился, получая задание. Может быть, зам? Или ответственный секретарь? Кто он, этот Кирилл Петрович? Как его здоровье? Может, неделю назад у него был инфаркт или он попал в автомобильную катастрофу? Или вопрос о здоровье Кирилла Петровича дежурная шутка в редакции, так как он какой-нибудь чемпион?

Александр Александрович сложил программу, смотрел Лева в глаза и ждал ответа.

– Спасибо, на здоровье он мне не жаловался, – ответил Гуров, считая, что инфаркты и катастрофы – вещь довольно редкая, а на все остальные случаи жизни ответ годился. Во избежание дальнейших осложнений, Лева решил перехватить инициативу. – Я второй раз на ипподроме, очень интересно и совершенно непонятно.

– Я здесь почти каждый игровой день, – ответил Александр Александрович. – Тоже разбираюсь слабо.

Кто-то из девушек хихикнул, Александр Александрович взглянул строго, затем улыбнулся, не выдержал и рассмеялся. Хорошо он смеялся, мягко, искренне.

– Меня считают асом, – пояснил он Лева, – только потому, что, играя регулярно, я не оставляю здесь зарплату.

Начинался очередной заезд. Лошади приняли сразу. Лева увлеченно следил за бегом. Вперед сразу вырвалась гнедая лошадь, наездник был в красном камзоле и красной шапочке, он ярким пятном выделялся среди зеленых, синих и белых соперников. На повороте разрыв увеличился, на трибунах одобрительно шумели. Лева, заглянув в программку Александра Александровича, спросил:

– Какой это номер?

– Второй. Ринг, – ответил Александр Александрович, – едет на нем Виталий Тенин. Ринг отличный рысак, почти равный Гладиатору.

На последней прямой разрыв между лидером и ближайшими конкурентами составлял метров тридцать, наездник ослабил вожжи и неторопливо финишировал под дружные аплодисменты. Ринг нес славу достойно, бежал, скромно опустив голову, как бы впечатывая стальные копыта в дорожку.

– Красавец, – сказал Лева, – поворачиваясь к девушкам. – Верно, девчата?

Как зовут девушек, Лева не помнил, но, взглянув, понял, что недавно смеялась, конечно, брюнетка. Хрупкая, изящная, она быстро, как-то по-мальчишески курила, ей, безусловно, хотелось говорить и двигаться, однако она сидела молча, закинув ногу на ногу. Лева сидел на ступеньку ниже и, повернувшись, почти ткнулся лицом в обтянутые ажурными чулками колени. Девушка быстро оглядела свои ноги, насмешливо взглянула на Гурова, как бы спрашивая: «Здорово, верно?»

Уши у Левы уже пылали, всегда начиналось с них. Конюх Коля о чем-то шептался с двумя подошедшими ребятами. Вторая девушка была мягкая и женственная, сидела, свободно откинувшись, полулежала, вытянув ноги. У нее были каштановые длинные ухоженные волосы, девушка смотрела на Леву неприятно равнодушно и цинично. Сдерживая зевок, девушка

отвела взгляд и, видимо, на какой-то знак Александра Александровича, ведь больше сзади Гурова никого не было, капризно надула губы и, лениво выговаривая слова, спросила:

– Простите, вы что-то сказали?

В некоторых случаях Лева умел быть злым и решительным. Он легко поднялся, поклонился Александру Александровичу, который тоже встал, пытаясь удержать Гурова.

– Благодарю, очень приятно было познакомиться, – сказал Лева, не подчеркивая, однако и не скрывая насмешки. – Всего доброго, – поклонившись девушкам, он вышел из ложи.

Он действовал импульсивно, не отдавая себе отчета, почему так резко распрощался и ушел. Ему не понравилась атмосфера в компании.

Остался один заезд. Интересно, Григорьева еще на конюшне? Хорошо бы ее застать. Гуров шел быстро, почти бежал, однако конюх Коля догнал его, остановил и, задышавшись, спросил:

– Ты чего? Обиделся, что ли?

– Я? – Гуров сделал шаг назад, оглядел Колю. Хорош. Джинсы, замшевая курточка, фирменная рубашечка. Он взял растерявшегося конюха за лацкан, взял грубо, а заговорил очень мягко: – Старайтесь быть вежливым, Коля. Старайтесь, вежливость вам в жизни не повредит. – Лева вновь торопливо зашагал к конюшне.

Коля трусил рядом, торопливо говорил:

– Извините, не хотел обидеть, думал, можно по-простому. Поймите, Лев, простите, не знаю вашего отчества, у нас не разрешают ходить на трибуны. Нина Петровна может меня выгнать.

Лева понял, что конюх не отстанет, хотел спросить: зачем же ты меня окликнул? Я шел и не видел тебя. Лева не спросил, остановился, вздохнув, медленно произнес:

– Идите, Коля. Идите, я даже в школе не ябедничал.

Коля отстал, Гуров прибавил шагу и вскоре оказался у конюшни. Навстречу шли три женщины и Рогозин. Плотная, однако стройная молодая женщина с русыми коротко стриженными волосами строго спросила у Гурова:

– Вы где были? – Лишь по голосу Лева узнал Григорьеву. – Не расслышали? Я спрашиваю, где вы были?

– На трибунах, – ответил Лева, совершенно не понимая, почему отчитывается.

– Я вас прошу, – приказным тоном сказала Нина, повернулась к спутникам. – Минуту, – и пошла назад к конюшне, не сомневаясь, что Гуров идет следом. Он действительно шел. – Я вас прошу, – входя на конюшню, повторила наездница. – Либо здесь, либо там.

– Меня интересуют не только лошади, но и люди, – Гуров остановился у стойла Гладиатора, Нина прошла дальше одна, повернулась и громко повторила:

– Либо здесь, либо там. Вы наверняка достаточно побывали на трибунах, – она остановилась у висевшего на стене ящика, где в разных отделениях-ячейках лежали точеные подковы, персональные для каждой лошади. Тоненькие точеные подковы, согнуть такую, пожалуй, сумеет любой мужчина. Нина придирчиво оглядывала какую-то пару. Лева подошел и спросил:

– Простите, Нина, почему вы считаете возможным разговаривать со мной в подобном тоне?

Нина резко повернулась, тряхнула влажными волосами, нахмурилась. Гуров смотрел сверху вниз, смотрел твердо, он знал, что, если сейчас проиграет, его выставят с конюшни. Ведь ей легко и просто зайти в дирекцию и попросить перевести писателя в другое тренотделение. Гуров чувствовал: чаша весов колеблется, сейчас Нина ответит, ответ станет окончательным.

– Нехорошо, – добавил Лева, и его чаша перетянула.

Нехорошо. Лева любил это слово, часто им пользовался. Простое, мягкое, оно, никого не обижая, касалось чего-то сокровенного, возвращало в детство. Лева часто наблюдал, как люди, не реагирующие ни на какие слова, услышав, что поступают нехорошо, вспыхи-

вали, смущались, пытались объяснить, что жизнь штука сложная, затем понимали, что прячутся за слова. Нехорошо.

– Писатель. Психолог, – Нина наклонилась к подковам, вновь выпрямилась, подняла голову. Она доставала Лева лишь до плеча. – Я вас очень прошу: в тот день, когда вы работаете на конюшне, не ходите на трибуны. Хорошо? Выберите для этого, пожалуйста, другой день.

– Постараюсь, – уклончиво ответил Гуров, заговорщицки глядя на руки наездницы, которые перебирали подковы. Лева вспомнил, как она держала лошадь. Натянутые вожжи, натянутые вожжи – и так день за днем, день за днем. Какая же сила должна развиться в руках у молодой женщины? Как ловко она держит подкову, а ведь она лишь в передней части округлая, а концы у подковы острые. Лева вспомнил строчки из заключения экспертизы: «Удар нанесен острым металлическим предметом. Удар был очень сильным, и маловероятно, что его могла нанести женщина».

– Смотря какая женщина, как вы считаете, Нина Петровна? – неожиданно спросил Гуров.

– Вы о чем? – Нина все возилась с подковами, и Гуров незаметно взял одну из подков, сунул в карман.

– Не понимаю, о чем вы? – Нина бросила подковы, отложив свои заботы, смотрела на Лева, ждала ответа.

– Вы очень меняетесь, когда снимаете свою рабочую форму. – Лева был уверен – протяни он руку, тотчас получит полновесную затрещину. Он стоял не двигаясь, как это делает каждый, входя в чужой сад, где к нему подбегает здоровенная овчарка.

Нина немного оттаяла и с сарказмом спросила:

– Начнете ухаживать?

– Обязательно, как я могу устоять? – чистосердечно ответил Лева.

– Ну, ну! – Нина рассмеялась, направилась к выходу. – Я люблю розы, только обязательно на длинном стебле, шашлыки и кататься на такси.

– Запомнил, – ответил Лева. – Вас подвезти?

– Спасибо, – ответила Нина, направляясь к ожидавшим ее подругам.

Гуров остался у конюшни, хотел было туда вернуться, но ему преградил дорогу седой старик с ведрами в руках. Старика этого Гуров раньше никогда не видел на конюшне.

Глава четвертая

Кирилл Петрович оказался фотокорреспондентом журнала. В прошлом году он делал фоторепортаж с ипподрома. Стало ясно, откуда Александр Александрович его знает. Лева составил список всех сотрудников журнала, выучил имена, отчества и фамилии, как дети учат иностранные слова. Была суббота, познакомиться с сотрудниками было невозможно. Заучив имена, отчества, фамилии и должности сотрудников редакции, Лева спрятал список и вытащил из сейфа справки, рапорта – в общем, все материалы, которые раздобыли братья Птицыны, изучая личную жизнь покойного наездника Бориса Алексеевича Логинова.

Некоторые полагают, что сотрудники уголовного розыска с удовольствием работают без выходных. Это несколько не соответствует действительности. В субботу и воскресенье люди идут на работу лишь в случае необходимости, причем крайне неохотно.

Однако бега состоятся в воскресенье. Следует подготовиться, поэтому Лева в субботу загорал в кабинете, а не на пляже.

Материал на Логинова не представлял ни малейшего оперативного интереса. Воевал, два ордена, четыре медали, затем двадцать семь лет работал на ипподроме. Тридцать восемь различных наград и семь выговоров, последние три за появление на работе в нетрезвом виде.

Жил Логинов в маленькой двухкомнатной скромно обставленной квартире, жильцами дома характеризовался как исключительно скромный, порядочный человек. Бывало, у него занимали, реже он занимал деньги, суммы все незначительные – десять, двадцать рублей. После смерти жены жил одиноко, изредка сестра зайдет. Порой Логинов не приходил ночевать – болел ночной конюх, и старый наездник дежурил за него.

Все материалы аккуратно подшиты и пронумерованы, сверху приложена записка: «Левушка, ты на правильном пути. Ты кузнец нашего общего счастья, честь, знамя, светоч группы. Долгих лет жизни и удачи. Твои верные подданные, братья Птичкины. P. S. Лева, это хорошо или нехорошо?»

Издаются, черти. На песочке сейчас нежатся. Нет, скорее свою любимую клубнику на даче собрали, сидят в качалках, выбирают из блюдечка сначала какие похуже, самые сочные оставляют под конец. Хорошо.

«Кузнец и светоч» отложил бумаги, повертел в руке подкову, которую взял вчера на конюшне.

Нина Григорьева, молодые наездники Василий Жуков и Петр Семин, конюхи – Михаил Яковлевич Рогозин и губошлеп Коля. Один из них либо убийца, либо пособник. С наездниками Лева еще не познакомился, сказать о них ничего не мог. Коля робок и добродушен, убийцей, конечно, быть не может, а в пособники умный преступник такого парня не возьмет. Нина и старый Рогозин.

Рогозин? Что он, Лева Гуров, знает о старом конюхе? Мало, до смешного мало. С него и следует начать, изучить, понять, разобраться в его психологии. Нет, начать следует с мотива преступления. Мотив даст возможность определить психологическую модель личности преступника. А это чуть ли не больше, чем словесный портрет. Тогда ненужное отпадет, останется один, максимум два человека.

Итак, мотив.

Убийство с целью обогащения, видимо, отпадает, так как ни денег, ни иных ценностей у Логинова не было. Убивать из мести? За что? Женщина? Несерьезно. Логинов обманул убийцу, нанес ему ущерб? Возможно.

Лева составил список подозреваемых, отнес в картотеку, вернулся в кабинет и задумался о Нине Григорьевой. Двадцать восемь лет, наверное, замужем была. Почему была? Нет, сей-

час точно незамужняя, чувствуется в ней свобода и независимость. Жены, они все с сумками, пакетами, вечно домой торопятся, озабоченные.

За что Нина могла мстить Логинову? Мотив? В своих рассуждениях Лева, описав обстановку, вернулся к отправной точке, взял подкову, покрутил, приложил к виску, она оказалась холодной. В понедельник Лева отнесет подкову экспертам. Категорического заключения: мол, таким и только таким предметом нанесли смертельный удар, конечно, он не получит. А вот в следующей формулировке Лева не сомневался: «Рассмотрев... сравнив... тщательно исследовав... удар мог быть нанесен острым концом конской подковы».

Лева положил подкову на стол, все свои рассуждения расставил по местам.

Удобное место конюшня, ситуация предельно подходящая. Время убийства? Идут интереснейшие заезды, все свободные от работы наездники и конюхи находятся в трехстах метрах, на кругу. Вновь Лева представил длинные белые здания конюшен, ленивые собаки, пропасть собак. У тренотделения Григорьевой никого, но от соседних конюшен участвовало в последних заездах, если верить воскресной программе, восемь лошадей. Значит, шестнадцать раз пробежали конюхи и шестнадцать раз проехали наездники. Графика никакого составлять не стоит, непрерывное движение прямо мимо ворот, через которые надо войти, а затем и выйти. Страшно, очень страшно, как же он рискнул? Неужели нет лучшего времени, чем с семнадцати до девятнадцати? Уйма. Такого времени уйма. Любой день, когда нет соревнований. Сколько он, Лева, бродил по конюшне, и никто не обращал на него внимания. Рассуждая о времени преступления, Лева натолкнулся на вопрос, который у любого здравомыслящего сыщика должен возникнуть едва ли не первым.

Почему Логинова убили в праздничный шумный день чуть ли не на глазах у изумленной публики, а не тихой ночью, когда наездник дежурил вместо заболевшего конюха? Та же конюшня, тот же рысак, та же инсценировка. Все то же. Только тихо, спокойно, безопасно. Труп находят окоченевшим, работа эксперта затруднена. Умный, хладнокровный убийца, все его действия доказывают это, не станет без нужды рисковать. Так почему же не позже и не раньше, а именно в самое опасное время?

Гурова лихорадило, как он ни уговаривал себя не торопиться, мысли суматошно подтачивали друг друга.

Другого времени у убийцы не было. Почему? Ответ напрашивался сам. До воскресного дня отсутствовал мотив. Что же сделал Логинов в воскресенье днем?

Лева раскрыл дело и перечитал все протоколы допросов. Дотошный следователь прокуратуры максимально точно установил, где и когда находился Логинов в воскресенье.

Что же произошло в десятом заезде, который, как и полагалось, Гладиатор выиграл? Лева вспомнил Сеню, который вчера объяснял ему законы игры и правила оплаты выигрышей. За фаворита Гладиатора неожиданно платили непомерно высокую цену. Объяснение только одно: кто-то очень крупно играл против фаворита. Если бы Логинов на Гладиаторе проиграл, то кто-то загреб бы кучу денег. Может быть, Логинов обещал проиграть, а затем передумал и выиграл? Кто-то разорился в прошедшее воскресенье, этот кто-то и убил Логинова. Убийца мстил не только за обман, за потерянные деньги, он убил, чтобы Логинов молчал о предложенной сделке. Если бы убийца мстил лишь за проигрыш, он бы выжидал, пришел бы ночью! Убийца, увидев результат заезда и оценив ситуацию, сразу явился на конюшню. Старый наездник ехал честно, он мог разоблачить махинацию, почти наверняка так бы и поступил.

Лева попробовал нарисовать портрет убийцы. Хорошая реакция. Мгновенно сориентировался и принял решение, инсценировка, почти импровизация, так как на тщательное продумывание нет времени. В конфликтной ситуации спокоен и решителен. Физически силен.

Сразу отпадают все, кроме Нины Григорьевой. Конюх Коля, Rogozin, мальчишки-наездники не подходили ни по одной статье. Ну разоблачил бы Логинов. Увольнение. Все. Откуда у них деньги для подобной операции? Лева попробовал вернуться к изначальной позиции,

затем вновь пройти по всей цепи рассуждений и выводов. Видимо, одна из основных посылок была ложной. Лева откинулся на спинку стула, решил отвлечься и отдохнуть. Он никогда не предполагал, что от работы за столом можно так уставать.

Лева взглянул на свое логическое построение со стороны. Ошибка возможна только в основании, в посылке, в предположении, что убийца работает на конюшне. Кто, кроме работников тренотделения, мог знать, что Логинов находится в конюшне один? Никто. Утверждение, что все они стояли на кругу, наблюдая за заездами, липа. В первых показаниях Рогозин говорил, что Григорьева ушла с круга на полчаса раньше. Завтра надо попробовать проверить их алиби. Выяснить, где действительно находился каждый из них во время убийства. В понедельник, решил Лева, он доложит все свои соображения Константину Константиновичу.

Турилин устных докладов, тем более пространных рассуждений, не любил. Лева переставил с тумбочки на свой стол машинку, снял с нее чехол, заложил два экземпляра и уже начал печатать, когда раздался телефонный звонок. «Мама», – решил Гуров и снял трубку.

– Гуров, – автоматически сказал он.

– Лева, спуститесь в картотеку, ваши справки готовы.

Лева мигом скатился на третий этаж, схватил со стола голубенькие листочки, перевернул. На обратной стороне одинаковые фиолетовые штампики: «Не значится», «Не проходит». Значит, никто из работников конюшни никогда органами милиции не задерживался.

Лева благодарно улыбнулся дежурной, которая говорила по телефону и лишь кивнула в ответ.

Он снова сел за машинку, и снова зазвонил телефон. «Теперь уж точно мама, больше никому, интересуется, когда приду обедать».

– Гуров, – привычку называть свою фамилию по телефону он перенял у Трофима Ломакина. Коротко и ясно, слушает вас Гуров, и все тут.

– Здравствуйте, – услышал он незнакомый женский голос.

– Здравствуйте, – ответил он, пытаясь вспомнить голос и понять, кто говорит.

– Не узнавать своих знакомых невежливо, – девушка рассмеялась.

– Простите, мы с вами незнакомы, – уверенно ответил Лева. Голоса – не имена, на голоса память у него отличная.

– У вас плохая память, Лева. Ах вы, голубоглазый донжуан.

– Извините, вы ошиблись. Меня зовут Николай, глаза же у меня темно-карие.

– Простите, – девушка рассмеялась и повесила трубку.

Лева аккуратно положил трубку на стол, доносившиеся из нее частые гудки звучали как сигнал бедствия.

Номер служебного телефона знали дома да три приятеля. Даже если бы они и решили его разыграть, то такую глупость о донжуанстве никто говорить не стал бы.

Он позвонил по другому телефону дежурному по управлению.

– Еще раз здравствуйте, Юрий Федорович. Гуров говорит. Номером моего телефона у вас не интересовались?

– Пять минут назад, Левушка. Однако не твоим. Позвонил какой-то мужчина, спросил, есть ли кто на месте из отдела Турилина.

– Вы назвали мое имя-отчество? – стараясь говорить сдержанно, спросил Лева.

– Нет, Лева, не назвал. Дал номер, сказал, что старший лейтенант Гуров. Ты ведь теперь у нас старший? А по какому поводу пожар?

– Позже, Юрий Федорович. А сейчас не сочтите за труд, выясните, пожалуйста, с каким номером соединен мой аппарат: восемь – девять – шестьдесят четыре.

– Слушаюсь, Левушка. Не клади трубку.

Теперь перед Гуровым лежали две телефонные трубки, одна тревожно гудела, другая молчала.

Если звонили из автомата, значит Левины предположения верны, звонили по поручению преступника. Пока Лева сидел тут, выстраивал свои предположения, подгонял кирпичики, убийца...

– Лева? Алло! – Гуров взял трубку. – Должен тебя огорчить, звонили из автомата.

– Спасибо, Юрий Федорович, извините за беспокойство.

– Брось ты свои «извините», «пожалуйста». Что-нибудь не так? – встревожился дежурный, – Понимаешь, спросили не тебя, а отдел Турилина, я же знал, что ты на месте.

– Хорошо, хорошо. Спасибо, Юрий Федорович. – Гуров положил обе трубки на место.

Убийца забеспокоился. Появление на конюшне молодого писателя взволновало его. Видел ли преступник Леву лично или узнал о его визитах через кого-то? Знает, какой отдел занимается розыском убийц, знает фамилию начальника.

Лева взял полученные в картотеке бланки с результатами проверки. «Не значится». «Не проходит». «На учете не состоит». Никто из тренотделения не подходит. Нина тоже, даже теоретически, не подходит. Вот здорово. Лева облегченно вздохнул и рассмеялся. Будем дарить цветы, угощать шашлыками, ездить на такси. Опять у отца занимать? Только расплатился, вновь долги.

Отец Левы – генерал-лейтенант, мама – доктор наук, семья жила очень обеспеченно. Его восемьдесят рублей, которые он отдавал домой ежемесячно, как говорится, в семейном бюджете погоды не делали. Когда он учился, стипендию ему позволяли оставлять на карманные расходы, начал работать – будьте любезны, мужик обязан деньги в дом приносить. Все считали такой порядок правильным. Нужно тебе? Возьми. Заработаешь, положишь на место. Дисциплина. Отец, вечно всем одалживающий, забывал, кто ему сколько должен, но копеечные долги сына он помнил отлично. Теоретически Лева с отцом соглашался, практически денег вечно не хватало.

Лева уложил бланки проверок в дело. Турилин говорил, что необходимо открыться кому-то из профессионалов конного дела, получать квалифицированные консультации. Он уже представлял, как вместе с Ниной ведет расследование, находит и изобличает убийцу. Лева повеселел, однако ненадолго, мысли вновь вернулись к телефонному звонку. Какую дополнительную информацию получил преступник? Фамилия – Гуров. В письме редакции Лева проходит как Шатров. Голос. Если убийца слевой разговаривал, то мог узнать голос. Каким образом? Звонили из автомата, значит параллельный телефон исключается. Девушка во время разговора передавала трубку? Нет, она говорила без пауз, а если слушать одну трубку вдвоем, не очень-то разберешь голос.

Что нового узнал он, Лева Гуров? Убийца видел его либо узнал о нем – следовательно очень близок к конюшне. Данный факт и ранее сомнений не вызывал. Преступник подозрителен и обеспокоен. Мало. Он опытен, знает структуру аппарата управления, фамилию начальника. Кое-что. Он умен, раз сумел просчитать вариант: сотрудник, занимающийся розыском убийцы, должен в субботу, перед воскресным днем, когда вновь состоятся заезды, находиться в кабинете, просматривать материалы, которые выносить из стен управления не разрешается. Умен также не ново. А вот способность к логическому мышлению уже характеристика. Такой склад ума значительно чаще встречается у мужчин, чем у женщин. Все это хорошо, плохо другое. Потерпев неудачу в Управлении внутренних дел, преступник, проверяя писателя, займется редакцией журнала. Писатель Л. И. Шатров не штатный сотрудник журнала, он лишь собирает материал для повести, одни его знают, другие – нет.

Семья Гуровых жила в большой четырехкомнатной квартире в самом центре города. Папа, мама, Лева и Клава, которая не считалась, а была на самом деле членом, если не главой семьи. Клава была значительно старше и генерал-лейтенанта и доктора наук, а Левчика Клава вырастила, так как Александра (Левина мать) после войны все училась и на воспитание сына

времени не оставалось. Сколько Клаве лет, кажется, никто не знал, Лева утверждал, что у нее и паспорта нет и никогда не было. Звали эту маленькую сухонькую женщину Клавой совсем не панибратски, а в таком тоне, как говорят: мать или – хозяйка. Клава и была в доме хозяйкой, полновластной и довольно грозной. Все, не исключая отца, Клаву побаивались. Только в одном вопросе ее власть была сильно ограничена – в воспитании Левы. Воспитанием сына занимался сам генерал. Отец не собирался делать из него военного, был довольно сух, но внимателен и справедлив. Все его требования сводились к одному: будь человеком и мужчиной. Отметки и замечания в дневнике отца не волновали. Спросит лишь, за что, пожмет плечами, мол, тебе жить, думай сам. Держи слово, не будь трусом, не лги, не подводи друга, в общем, все то же: будь человеком и мужчиной. Приспосабливаясь к требованиям отца, Лева усвоил два основных понятия: хорошо и плохо. Так они и остались с Левой, простые и всеобъемлющие слова-символы. Отец не признавал полутонов, утверждая: все рассуждения о сложностях человеческой природы, которая якобы не может делиться на элементарные половинки, не что иное, как попытка плохое выдать за хорошее. От подобных рассуждений мама Левы хваталась за голову и говорила: «Ваня, Ваня, какой же ты дикий, невежественный человек». Мама Левы, отец звал ее Сашей, а Клава – Александрой, была по профессии психиатром. Занимаясь исследованием человеческой психики, познавая сложность ее организации и противоречивость, она любила человека очень категоричного, не признающего ничего, кроме черного и белого.

Когда Лева был маленький, категоричность отца ему нравилась своей простотой и доступностью. Затем в какой-то период она его страшно раздражала.

Когда Лева учился в старших классах, мама начала подсовывать ему различные книжки по психологии. Книжки он с интересом или без оного прочитал, после чего поступил не в медицинский, а на юридический факультет. Мама расстроилась, а отец – нет. «Жизнь Левку определит, поставит на нужное место, – считал он. – Если нет, то грош ему цена, а нам с тобой, Саша, – три копейки».

Еще в университете Лева понял, насколько его родители самобытные люди. Осознав это, Лева долго взвешивал: хорошо это для него, Левы, или плохо? Существовали свои «за» и «против». «За» понятны, самым существенным «против» являлось стремление Левы к самостоятельности. Как-то сложилось, что вокруг него все время вращались сыновья и дочери, которые хвастались не собственными успехами, а положением отца или матери. Лева же хотел стать Львом Гуровым. Ведь никто не интересуется, кто папа у Льва Яшина? Чтобы стать Львом Гуровым, необходимо стать личностью. Вот и решай: хорошо это или плохо, когда рядом папа – генерал-лейтенант, а мама – доктор наук, и к ней чуть не со всей страны приезжают советовать. Как ни крути, а ты всего лишь их сын, иначе к тебе никто и не относится.

Когда Лева пошел работать в милицию, мама сказала: «Ужас. Я иногда, как следователи выражаются, с их „клиентами“ сталкиваюсь. Почти стопроцентная патология». Папа же, пожав плечами, сказал: «Не артиллерия, однако работенка мужская». Клава посмотрела на папу, затем на маму и сказала: «Довоспитывались? В приличном доме милиционер будет жить».

В доме существовал установленный отцом обычай – делиться радостями и держать при себе неприятности. Попавшего в переплет деликатно опекали и никогда не расспрашивали. Каждый гордился своей сдержанностью, считал себя чуть ли не йогом, в крайнем случае – индейцем-команчем, по лицу которого невозможно определить, что именно он в данный момент чувствует.

Едва глянув на пришедшего с работы, Клава безошибочно ставила диагноз. Если следовало ворчанье на остывшие котлеты, значит все в порядке. Если Клава ставила еду молча, значит так себе. Когда же она начинала суетиться и на столе появлялись неизвестно откуда извлеченные любимые человеком блюда, значит, плохо, «дела наперекосяк».

Логинова убили в воскресенье. Разыскное дело Лева завел во вторник, а в среду вечером Клава подала ему на ужин бутерброды с черной икрой. Лева очень любил черную икру. Клава

ходила по квартире на цыпочках, шипела на Ивана и Александру, словно кобра. В четверг она их предупредила, что «милиционер» в пятницу, конечно, на дачу не поедет.

«Неожиданно», «так уж получилось», у отца накопились дела в городе, у мамы организовался «непредвиденный» консилиум. Клава заявила, что у нее давление, клубнику пусть черти собирают. Таким образом, на субботу и воскресенье вся семья осталась в городской квартире. В будни все ели в разное время и, конечно, на кухне, в выходной обедали обязательно в столовой, причем стол без всякой нужды раздвигался, будто их было не четверо, а двенадцать, покрывался белоснежной скатертью, доставался парадный сервиз, хрусталь. Лева называл такие обеды парад-алле.

Когда Лева вернулся с работы, стол уже сверкал хрусталем, мама поставила в центре вазу с цветами, затем, решив, что цветы будут мешать, перенесла вазу на сервант.

– Добрый день! – крикнул Лева, направляясь в ванную и снимая на ходу пиджак. Умывшись, приведя себя в порядок перед зеркалом, Лева остался доволен, полагая, что выглядит нормально. Молодости свойственно ошибаться, за последние три дня Лева осунулся, под лихорадочно блестящими глазами появились темные круги.

Мама вновь переставила цветы, постучала в кабинет мужа.

– Ваня, кончай работать. Обед!

Генерал-лейтенант захлопнул «Три мушкетера», которые читал последний час, сунул книгу на полку и, потирая руки, вышел в столовую.

– Ну, Клава, берегись! – заявил он воинственно.

Лева вошел в столовую из других дверей. Сегодня все было особенно торжественно, мама надела вечернее платье, выглядела в нем моложаво, отец – в строгом костюме, удивительное дело, на отце любая вещь сидела безукоризненно, приобретая сразу дорогой вид.

Родители, стоя у серванта, что-то озабоченно обсуждали, их серьезные лица не вязались с праздничной одеждой, цветами, парадно накрытым столом. У отца с матерью какие-то неприятности, подумал Лева, задерживаясь в дверях. Он представил себе, что произошло какое-то несчастье у мамы в институте и следователь прокуратуры возбудил уголовное дело. Инспектор уголовного розыска икс начал работать и недрогнувшей рукой вписал мамино имя в круг подозреваемых, так как она в такое-то время отсутствовала, в показаниях разночтения. А. М. Гурова человек, безусловно, сильный, властный и решительный. Психиатр А. М. Гурова проводила специальные экспертизы, неоднократно имела дело с различными преступниками, накопила определенный опыт. Мотив? Нужно обнаружить мотив. Что могло толкнуть Гурову на убийство?

– Ну-ка, Левчик, пропусти старуху.

Он не заметил, как из кухни с подносом вышла Клава, а он загораживает ей проход. «Левчик? Дела! Дома какие-то неприятности», – как и подобает инспектору уголовного розыска, Лева обладал незаурядной проницательностью. Он мгновенно принял решение развлечь родителей.

– Отец, ты умный и многоопытный, так ответь мне, пожалуйста, почему мы профессиональную преступность ликвидировали, а профессиональные преступники у нас остались? – спросил Лева, когда все садились за стол.

– Преступность – явление социальное, наше общество данную социальную проблему решило, – ответил отец, – преступник же – как личность – предмет исследования психолога. Вопрос к Саше, она у нас специалист.

– Личность не в Сахаре рождается и формируется. Люди, определенная среда выпестовывают личность, – Лева взял у мамы тарелку, стал накладывать закуску. – Саша, тебе золотую рыбку положить?

– Спасибо. – Последний год Лева порой называл маму по имени, ей это нравилось. – Кого конкретно ты называешь профессиональным преступником? Человека, который, кроме преступлений, ничем не занимается?

– Узко мыслишь, Саша, – ответил несколько покровительственно инспектор. – В наших условиях ему приходится работать, хотя работа у такого человека лишь ширма, профессия же у него – совершение преступлений.

Отец решил подогреть разговор несколько с другой стороны, взяв со стола графин с водкой, спросил:

– Ты больше не работаешь сегодня?

– Налей, отец. Коньяк в доме есть?

– Коньяк? – отец поставил графин, пожал плечами. – Давай выпьем коньяку.

Клава сегодня уже не командовала и сидела за столом тихо, словно мышь. Она поднялась и поставила на стол коньяк.

– Мне завтра на работу к семи утра, я лягу пораньше. – Лева протянул отцу большую рюмку. – Надо пить коньяк, отец, сейчас это модно. Твой сын обязан шагать в ногу со временем.

Глава пятая

Утро было свежее, даже прохладное. Лева рассчитывал провести целый день на солнце, поэтому надел дакроновый костюм, сшитый словно из блестящей папиросной бумаги. Зябко передернул плечами. На стоянке безнадежно выстроились такси. Лева, чувствувавший себя Крезом, решительно направился к головной машине.

Вчера вечером мама, заговорщицки подмигнув, принесла конверт и положила перед каждым по сто рублей. Она получила какую-то сверхнеожиданную премию, «деньги свалились с неба», и решила разделить их поровну. Отец сказал, что купит себе наимоднейший спиннинг, Клава заявила, что наймет садовника, который станет выхаживать «чертову клубнику», мама решила разориться на французские духи, Лева же чистосердечно сказал: истрачу на вино и женщин.

Все рассмеялись и не поверили, между прочим, зря не поверили, так как Лева говорил абсолютно искренне. Когда же около девяти он ушел спать, Клава и отец вернули маме деньги, она присовокупила к ним свою долю, «премия» вернулась в домашнюю кассу.

У конюшен, как обычно, бродили добродушные собаки, доносился стук копыт, катились коляски, перекликались наездники. Свернув в узелок нехитрое свое хозяйство, ушел ночной сторож. Рогозин Лева лишь кивнул, а вот подошедшая почти одновременно с ним Нина поздоровалась громко и весело:

– Привет писателям! Какое утро! Ночь дождало, сейчас подсохнет, дорожка будет легкая. – Она улыбалась Лева открыто и дружелюбно, глаза у нее были карие, с яркими желтыми блесками.

– Легкая? – пожимая ее сильную руку, удивился Лева.

– Запишите. Есть у нас такое выражение: легкая дорожка.

Нина вбежала в конюшню, достала из сумки пачку сахара, пошла от денника к деннику, ласково разговаривая с лошадьми, угощала их.

Двигалась Нина легко и свободно, ступая на носки, отчего казалась выше, стройнее, чистые линии сильных рук и ног делали ее похожей на породистых скакунов. Сквозь легкое платье просвечивали тонкие полоски белья, Лева хотел отвернуться и не мог, смотрел и смотрел.

Лошади благодарно кивали, аппетитно хрупали сахаром.

– Умницы вы мои, дурашки любимые. Да, да, сейчас работать начнем. – Нина смеялась. – Понимаете, писатель, они конюхов любят, а наездников не очень. Конюх чистит, моет, кормит и ходит, а наездник гоняет, работать заставляет.

– Понятно, – севшим от волнения голосом ответил Лева, подошел ближе, протянул руку, хотел погладить наездницу по обнаженному плечу. К его счастью, она не заметила, перешла к следующему деннику.

– Видали дурака? Я его, бездельника, вчера настегала, вот он морду и воротит, – Нина вновь рассмеялась, похлопала жеребца по крупу. – Не хочешь, глупый, не надо. Ты сегодня, между прочим, выходной.

Жеребец понял ее, повернулся, взял с протянутой ладони сахар, затем, решив выдержать характер, отошел в дальний угол.

– Видали? Весь в отца. – Нина взглянула на часы, заторопилась, крикнула: – Василий, Петр! На разминку! Михалыч! Где Колька? Нет, уволю, уволю, уволю вас всех! – она убежала в свою комнату переодеваться.

В коридор вошли молодые наездники, Лева и не подозревал, что они уже на конюшне. Рогозин выкатил коляску. Лева уже знал: тренируются в одной коляске, на соревнованиях же едут в другой, более легкой и изящной. Он переложил удостоверение в брюки, повесил пиджак

в комнате наездников, засучил рукава и, не спрашивая, что именно делать, начал вместе со всеми выводить, держать, даже затянул два каких-то ремня, в которые ткнул заскорузлым пальцем Рогозин.

Нина и наездники уехали, Лева достал сигареты и зажигалку, конюх пробормотал, мол, трава, однако закурил.

– Нравится стерва-то наша? Вижу, нравится, – Рогозин сильно затянулся, прищурившись, глянул на Леву. – Молодой. К девкам тебя как магнитом тянет.

– А вы, Михаил Яковлевич, в молодости девчат гнали от себя?

Рогозин хмыкнул, вновь оглядел Леву снизу вверх, туфли осмотрел, затем брюки, рубашку, уперся в глаза. Леве хотелось повернуться на каблуках, разглядываешь, так уж валяй со всех сторон. Когда же он встретился с Рогозиным взглядом, у Левы охота шутить пропала, инспектор уголовного розыска почувствовал – сейчас конюх скажет важное, самое главное. Лева напрягся, пытался взглядом подтолкнуть Рогозина: говори, дорогой, говори.

Старый конюх в две затяжки прикончил сигару, погасил о каблук и, сунув окурочек в карман, пошел по каким-то делам, словно не стоял рядом человек, с которым он сейчас разговаривал. Ни полслова не обронил Рогозин, думал же явно об убитом, хотел что-то сказать, раздумал. Все прошедшие дни Лева удивлялся: никто не вспомнил погибшего наездника, ни разу не назвал его имени, даже косвенно не упоминал о нем. Ведь он ходил здесь, ел с ними и разговаривал, смеялся и ссорился. Вечер воскресенья и понедельник они все провели в прокуратуре, во вторник Лева уже был здесь. Допрос у следователя для любого человека потрясение, возникает естественное желание поделиться, спросить, о чем спрашивали приятеля, что он ответил. Обычно коллектив, где произошло несчастье либо преступление, несколько дней почти не работает, все говорят и говорят, повторяя одно и то же, сочиняя и придумывая новые подробности. Естественно, часто говорят о покойном, вспоминают, какой душевный он был человек, даже если ругались с ним целыми днями. Здесь же царил деловая, будничная атмосфера. Логинова здесь как будто никогда не существовало. А ведь он здесь жил несколько десятков лет – в последней комнате с левой стороны, где каждая вещь принадлежит ему. Вот почему Лева не мог угадать характер и привычки Григорьевой по обстановке: каждый предмет там принадлежал покойному.

Лева подошел к комнате мастера-наездника, толкнул приоткрытую дверь. В лицо ему ударил яркий свет, который через вымытое до блеска окно заливал просторную чистую комнату. Ни одной старой вещи в комнате не осталось. Потолок побелен, под ним изящная современная люстра, стены оклеены обоями, на месте коричневого коня висит фотография: группа вытянувшихся в стремительном беге лошадей. Снимок прекрасный, сделан, безусловно, профессионалом. В углу аккуратный шкаф, рядом небольшой диванчик, на столе белоснежная ска-терть, вазочка из чешского стекла, а в ней роза. Полураспустившийся гордый цветок на длинном стебле. Пахнет чистотой и чуть-чуть кофе. Обследовав комнату вторично, Лева заметил на полке кофеварку и электрическую кофемолку.

– Намедни покрушила все, – сказал незаметно подошедший Рогозин. – Дождалась своего часа. Добилась, девонька, – последнее слово он произнес как ругань.

И тут Лева совершил поступок, о котором и не думал секунду назад: он молча протянул Рогозину свое удостоверение. Конюх поправил очки, прочитал, пощупал мягкую кожаную обложку, словно его убедила кожа, а не гербовая печать и фотография. Вновь, как совсем недавно, он осмотрел Левины ботинки, брюки, рубашку, заглянул в глаза, казалось, сейчас оттянет заскорузлым пальцем губу и проверит зубы. Рогозин не выразил удивления, вообще не проявил никаких эмоций, вернул документ и сказал:

– Значит, не дураки. Конечно, разве ж Гладиатор может человека зашибить? Убили Лексеича, мешал он тут, торчал, как старый дуб, посередь, – он не нашел подходящего слова, лишь

указал на Нинину комнату и, сгорбленный, длиннорукий, зашагал по коридору между стойлами.

Услышал Лева, как звякнуло пустое ведро, еще какие-то звуки, темная фигура конюха мелькнула в ярком проеме ворот конюшни и исчезла. Лева остался один, в конюшне тихо, лишь изредка всхрапнет лошадь, стукнет копытом о перегородку.

Он подошел к конюху, который возился у полки с подковами.

– Черт бы их побрал, – сердито бормотал он. – Теперь Рогозин подкову потерял.

Лева насторожился. Одну подкову вынес он сам, конюх сказал: «Теперь». Значит, не первая подкова пропала?

– Теперь две придется Ивану заказывать. Григорию и Розке, – конюх оглядел непарную подкову. – Правая передняя, а Григорию левая задняя требуется.

Лева вспомнил – кровь обнаружили у Гладиатора на левой задней ноге. Убийца учел даже такую мелочь. Времени же согласно разработанной версии у преступника на подготовку и обдумывание не было. Вернулся Рогозин.

– Михаил Яковлевич, вы где в то время находились? – Лева не уточнял, какое «то время», они понимали друг друга. – На кругу вас не было. Не ходите вы туда.

– Не хожу, – согласился Рогозин, взял две подковы и пошел к воротам.

Лева понимал, конюха говорить не заставишь, захочет сам, дело иное, а нет, так хоть весь уголовный розыск с прокуратурой вместе приводи, упрется – и конец.

Обливаясь потом, скидывая на ходу модную куртку, подбежал конюх Коля, затравленно взглянул на Леву и Рогозина.

– С первой разминки не вернулась? Я уже час здесь. Час назад пришел, – толстыми непослушными пальцами он расстегивал пуговицы, испуганно поглядывая в сторону поля, передевался.

На взмыленной лошади подъехала Нина.

– Умница, умница, – говорила она лошади, – хорошо работала сегодня.

Коля схватил кобылу под уздцы, сунул ремни Лева, начал быстро распрягать и говорить:

– На одно мгновение опоздал, Нина Петровна. Вы еще на поле не въехали, я побежал. За вами дернулся, да разве догонишь. Верно, писатель, а? Вот и писатель видел, Михалыч подтвердить может.

Нина не отвечала, Коля быстро повел лошадь выгуливать. Подъехали молодые наездники, работа закипела.

Лева же занялся своим делом. Ну, хорошо, Коля и молодые наездники тут без году неделя, разбираются в лошадях слабо. Нина же понимает, мог Гриша ударить человека или нет? Наверняка знает, не Гладиатор убил наездника, человек убил. В прокуратуре она ничего не сказала, мало того, утверждая, что Рогозин находился на круге, она лгала. Лева вспомнил ее стройную приподнятую на носки фигуру, мягкие законченные движения, в рыжих блесках карие глаза. Ложь – противного, какого-то химического цвета, она корявая, кособокая, если и округлая, то липкая, вонючая. Представления Левы о Нине и лжи никак не сочтались. И все-таки, как подсказывала ему интуиция, Нина лгала, Нина лгала в данной истории все время, по крайней мере – много. Значит, неправильно он Нину видит, неверно оценивает, красота ее лишь прикрытие.

– Парень! – издалека донеслось до Левы. Он слышал и не слышал, к себе данный возглас не отнес точно. Лишь когда повторили громче, Лева поднял голову.

– Парень! – Рогозин стоял в воротах конюшни, манил пальцем.

Лева вошел, шурясь, никак не мог он привыкнуть к резкому переходу от света к тени, остановился, затем поспешил за Рогозиным, который был уже в дальнем конце, у комнаты Нины.

– Сядь, – Рогозин указал Лева на стул, посмотрел в окно и потом в течение всего своего рассказа смотрел на клочок видневшегося в окне неба. – Ты не отстанешь, мне же скрывать не дело. Было все так. Ехать в тот день на Григории должна была она, – Лева уже отметил, что Рогозин Нину по имени не называет, либо она, либо ругательно. – Накануне предложила Лексеичу, мол, ты давай, я прихворнула вроде. Точно врала, здоровая по конюшне шастала. Лексеич, конечно, обрадовался, на Григории ехать всегда почетно. Ну, день тот был как день, воскресенье, одним словом, сам теперь видишь. Лексеич с утра пришел чистый, бритый, без вчерашнего духу, он на заезд всегда такой являлся. «Маленькая» у него была и пиво, так то после езды. Если бы ему каждый день ездить давали, он бы ее в рот, зеленую, не брал.

Рогозин говорил трудно, с паузами, повторялся, отворачивался к окну. Лева все это мешало, но он твердо знал, перебивать вопросами нельзя. Может замолчать Рогозин, тогда пиши пропало.

– Заявился Лексеич с утра в новой рубаше с галстуком. Я его с галстуком в жизни не видел и удивился. Он мне, точно не помню, вроде того: мол, мы с тобой, Михалыч, покажем некоторым, кто мы такие есть. Подзабыли некоторые, так можно им мозги прочистить. Сильно взъерошенный он был. Я молчу, знаю, отойдет, сам расскажет. Промял он Григория, как положено, сам прогулял, сам протер. Я ему подсобил, запряг, перед ездой он мне вдруг и шепни: «За меня сегодня деньги в одинаре платить будут». Я понял, шутит. Он открытый фаворит, цена ему по кассе рупь с гривенником.

Уехал. Тут дела, дела. Подчищаем. Григорий от нас в тот день последним ехал. Двухлетки (так Рогозин молодых наездников называл) прихватили своих барышень и ушли. Она тоже переделась, убралась на круг. Мы с Колькой приборку кончаем. Слышу, шум у соседей, вернулись, значит. Лексеич подкатил, смеется, как малый, таким веселым я после смерти его Сани и не видал. Прямо заливается. Григория обнял, в морду поцеловал и пошел, знаю, принять стаканчик. От Семеныча, сосед наш, приходят, говорят: Лексей чудом, концом выехал. Молчу, не верю. Веселая – классная кобыла, Гастролер – тоже слов нет, стоящий жеребец. Однако не с Григорием же им равняться. Он таким фору завсегда даст. Лексеич здесь недолго пробыл, вышел, глазки поблескивают...

Рогозин замолчал, глядя в окно, будто видел там смеющегося помолодевшего Логинова.

– Колька, шалапут, переодеваться пошел, я Григория прогулял, в порядок привел. Колька заявляется, гляжу, пьяненький. Где, думаю, хлебнул, крепко хлебнул? Лексеич ему в жизни не даст. Чтобы припасти на конец дня – этого за Николаем не водилось. Ну, пьяный мне ни к чему. Говорю, сматывайся, она увидит, выгонит. Колька топчется рядом, выпил, поговорить ему охота, ведет со мной Григория на место. Тут как раз Лексеич вышел. Кольку шуганул, меня просит: «Сходи в ресторан, возьми красенького. По дороге глянь на табло, сколько нынче за Логинова платят». Я отказываюсь, он – свое и дает мне двадцать билетов, все в одинаре, все на второй номер, на Григория, то есть на себя Лексеич деньги поставил. Удивился я, третий десяток работаем тут, – Рогозин кивнул на окно, – каждый друг про друга все знает, мне с ним говорить не надо. Он в жизни рубля не поставил, презирал это. Вдруг такое! Видит, я рот открыл, объясняет: мне сегодня полагается, жулье учить надо. Забрал я чертовы билеты, знаешь уже, по три за рубль платили. Получил деньги, купил вина, назад тороплюсь, невтерпех мне у Лексеича все выведать. Не было меня, – Рогозин на секунду задумался, но Лева видел, что у него все учтено заранее. Конюх все время в окно, в одну точку, смотрит, чтобы не отвлечься, не сбиться. – Ушел я без нескольких минут шесть, вернулся к семи. Концы, видите, не малые, то да се. Уже наши ворота видно, меня пацан у шестой конюшни перехватил, конюхом он там. Вижу, она из конюшни вышла, спокойно вышла, руки за спиной держит. Она меня не заметила и к полю пошла, в руке держит что-то, кажется. Я к конюшне тороплюсь, враз наперехват она, пацаны с барышнями своими, еще кто-то. Кончилось, значит, идут, обсуждают, спорят, как положено. Чувствую, мне с Лексеичем сейчас не поговорить, придер-

жался, сравнялись, вошли вместе. Остальное, как там, – Рогозин кивнул на окно, явно имея в виду прокуратуру, – записано. Алексеич еще теплый лежал.

– Затем? – впервые спросил Лева.

– Ваши понаехали. Она вызвала, – Рогозин опустил голову, медленно поднял глаза, Лева увидел в них и горе, и едва заметную насмешку.

– Николай где находился? – как можно беззаботнее спросил Лева.

– Черт его знает. Говорю, пьяный был, – ответил Рогозин, хотел подняться, Лева положил ему на плечо руку.

– Друга убили, вы уж извините меня, Михаил Яковлевич, а вы убийцу покрываете. Или жалко ее?

– Кого? – Рогозин досадливо сморщился. – Кого ее-то?

– Григорьеву. Вы же сами говорили...

– Дурак ты. Двухлеток. – Рогозин резко поднялся, распахнул дверь ногой, послышался глухой удар. За дверью кто-то стоял.

Лева выскочил в коридор и столкнулся с Колей, который, широко улыбаясь, потирал лоб. Рогозин уже находился у выхода, в светлом проеме ворот виднелся силуэт лошади. Смешно взвизгнув, Коля опрометью бросился на улицу, успел вовремя принять у подъехавшей Григорьевой лошадь. Началась обычная работа. Лева в ней участия не принял, сел в сторонке на перевернутую бочку, достал блокнот. Писать он ничего не собирался, помнил все отлично. Из работников тренотделения алиби имели лишь молодые наездники, или, как они здесь назывались, помощники. Один был с женой, второй – с невестой. Где находились Николай и Рогозин, неизвестно, Григорьева с круга ушла раньше, в какое время, тоже пока не ясно. Рогозин отпадает, Лева убежден в этом, рассказанное им – правда. Оговорить Нину он мог, очень уж не любил ее, а вот придумать такую историю ему явно не по силам. Теперь Лева убежден, она приказала говорить следователю, что все стояли вместе, что никто не уходил с круга. Она, безусловно, знает: Логинов убит, сама, конечно, не убивала, видела либо труп, либо убийцу. Может, не мучиться, рассказать все следователю, пусть он всех официально допросит? Как ни упрям Рогозин, показания в прокуратуре ему дать придется. Коля заговорит обязательно. С Ниной сложнее, она может заупрямиться. Лева прошел на трибуны, без труда отыскал ложу Крошина.

Поздоровавшись, Лева сел на предложенный стул.

Тот факт, что в ложе имелся свободный стул, объяснялся просто – Александр Александрович Крошин состоял в элите завсегдаев. Он принадлежал к новой волне «корифеев», обладал хорошим зрением, поэтому не пользовался биноклем и не щелкал секундомером. Зная резвость лошадей и оценив посыл наездника, мог определить время на четверти с точностью до секунды. Играл он расчетливо, не зарывался, не искал мешка с деньгами, то есть на «темных» лошадей не ставил.

Встретили сегодня Леву как старого знакомого. Девушки, Лева с трудом усвоил, что черненькая – Анна, а светленькая – Наташа, подшутили над его вспыльчивостью. Получилось это у них очень мило, Лева даже не покраснел. Сан Саныч, так девушки называли Крошина, сказал, что сегодня день прекрасный и Лева пришел исключительно вовремя, ему пора приобщиться, так как настоящий мужчина должен получить зачеты на ипподроме, у стойки за карточным столом.

Лева почувствовал себя не в пример прошлому разу свободно и, инструктируемый Сан Санычем, начал играть. Играть оказалось очень интересно. Лева не считал себя человеком азартным, но, как и многие, он ошибался в оценке своей персоны. Сан Саныч понимал в бегах. Лошади, на которых Лева делал ставки, либо выигрывали, либо приходили в первой тройке. Лева все время был близок к победе. Ставить Сан Саныч разрешил лишь рубль. Проиграв пять рублей, Лева получил массу удовольствия. Вот тогда Крошин сказал:

– Сейчас вы отыграетесь, Лева. Идите в кассу, ставьте на три – пять.

Лева еще ни разу не делал ставку в кассе, он передавал свой рубль Сан Санычу, а тот еще кому-то, вскоре им приносили билеты. Чтобы Лева не заблудился, с ним пошла Аня. Высокая, изящная, даже хрупкая, она легко двигалась среди многочисленной публики и быстро привела Леву в кассовый зал. Узнав, что Ане восемнадцать, Лева занял очередь в восемнадцатую кассу. Не ожидая вопросов, Аня быстро сообщила, что живет она с матерью, учится на втором курсе факультета журналистики и уже печаталась в центральной прессе. Заразительно, как-то по-мальчишески расхохотавшись, она подняла мизинец, показывая размеры своих статей. Лева она нравилась, только вот губы и ногти у Ани были, пожалуй, ярковаты, да сигарета, которую она почти непрерывно курила, делали ее чуть-чуть вульгарной.

Поставив на комбинацию три – пять два рубля, они вернулись в ложу. Третий номер, гнедой жеребец по кличке Ринг, выиграл легко, как говорится, водил от столба до столба, на финишной прямой он шел впереди соперников на несколько корпусов. Публика наградила его аплодисментами. Лева понял – Ринга «играли» многие.

– Конечно, – согласился Сан Саныч, – Виталий (так звали наездника) здесь не должен проигрывать. А вот если я прав и выиграет пятый, народ засвистит. – Он взглянул на окружающих и озорно улыбнулся.

Лева заглянул в программку и прочитал: «Гугенот, гнедой жеребец, под управлением мастера-наездника Н. П. Григорьевой».

Он взглянул на противоположную сторону, конюшни еле виднелись, к ним и от них бежали маленькие лошадки, катили игрушечные коляски. Лева стало тоскливо, захотелось уйти. Мысли о деле, ради которого он сюда пришел, факты и фактики, предположения, словно прятавшиеся последние два часа за шумом толпы, суетой, бегом лошадей, разом вынырнули, обрушились на него. Нина находилась в конюшне непосредственно после убийства? Видела убийцу? Видела только труп? Или сама нанесла удар? Сейчас, когда Нина далеко, где-то на той стороне, подобное предположение уже не кажется абсурдным. Сил у нее больше чем достаточно, Логинов, и смещенный с должности, стоял ей поперек пути, мешал работать. Да что он, Лева, знает об их действительных отношениях? Что могла Нина вынести завернутым в газету? Подкову? У нее не хватило времени смыть кровь, положить подкову на место. Нина держала в руке газетный сверток и ушла. Однако, как утверждает Рогозин, она тут же вернулась с молодыми наездниками.

– Простите, я скоро вернусь, – Лева поднялся, не взглянув на девушек и Сан Саныча, выскочил из ложи.

Он пробрался сквозь толпу, выскочил на улицу, побежал вокруг ипподрома к конюшням. Нина вернулась без свертка, значит, она бросила его где-то неподалеку. Она не могла его бросить, должна спрятать. Куда?

Он проскочил через проходную, перед самой конюшной, отдуваясь, вытирая пот, перешел на шаг. Коля умывался, Рогозин выгуливал лошадь. Лева решил пройти по маршруту от конюшни до поворота к кругу ипподрома. Где Нина могла спрятать сверток?

– Наша-то, слышал? – брызгаясь под краном, спросил Коля.

Лева не обратил на него внимания, встал спиной к конюшне. «Она шла неторопливо», – вспомнил он слова Рогозина. Лева медленно направился к кругу, когда Коля, обрызгав водой, схватил его за рукав.

– Не поехала Нина на Гоге, шансов-то выиграть нет, она и посадила в качалку Петьку. – Лева хотел освободиться, но Николай не отпускал. Он тряс мокрыми волосами, шлепал губастым ртом, неприятно дрожали его жирные, похожие на женские груди. – Вот ты напиши, напиши. Как, значит, выигрывать, так мастер едет, а как шансов нету, так помощник. Порядок, а?

Лева наконец отцепил от своего рукава Колину пятерню и подошел к полю.

С трибун ипподрома давно доносился свист, увлеченный своими рассуждениями, Лева не обращал на него внимания. Восстановить путь, которым шла Григорьева из конюшни, найти место, куда она могла спрятать сверток. Лева чуть не столкнулся с выехавшим с круга взмыленным жеребцом.

Гугенот ронял пену, на его черном от пота боку болталась бирка с пятым номером. Нина шла рядом с коляской, держала наездника за руку, Петр то ли всхлипывал, то ли смеялся и монотонно, как пьяный, повторял одно и то же:

– Значит, могу. Значит, могу. Значит, могу.

– Молодец, умница, Петенька, – Нина смеялась. Увидев проезжавшего мимо наездника, она крикнула: – Извиняй, Сергей Трофимович! Пыли не наглотался?

Наездник, лишь сердито буркнув в ответ, прикрикнул на свою тоже еле трусившую лошадь:

– Шагай, безногая! Чай домой идешь, не к столбу!

– Верно ехал, Петруша, – Нина теребила совсем очумевшего наездника. – План бега изменил мастерски. Как ты его после первой четверти перехватил? Мастер. Тихая езда тебе ни к чему, он бы тебя концом задавил.

– Я так и подумал, Нина Петровна, – ответил, изображая смущение, наездник. Он явно уже кокетничал, ведь выиграл, теперь все можно. – Думаю, не убьет меня Нина Петровна, что я после первой четверти водить начал.

Тут Нина заметила Леву и спросила:

– Красивая езда была, не правда ли?

– Возможно, – уцепившись за свои последние рассуждения, Лева не хотел отвлекаться и, взяв Нину под руку, повел ее назад, к кругу, дорогой, которой она уходила с конюшни в день убийства Логинова.

– Потерял я тут кое-что, – говорил он на ходу, продолжая исследовать газон рядом с ездовой дорожкой. – Куда мог запропасться проклятый?

– Что потеряли? – Нина высвободила руку.

Они свернули к ведущей на ездвое поле прямой. Лева увидел решетку, закрывающую водосток. Рядом с решеткой виднелся отпечаток, ее явно вынимали, клали на землю рядом. Лева нагнулся, легко вынул чугунную решетку, положил в ее собственный след. Яма не глубже метра, на дне обрывок газеты.

– А сверток где? – Лева смотрел на босоножки наездницы, он покраснел до неприличия, не мог поднять глаза. Полагается в таких случаях смотреть пристально, в лицо.

– Какой сверток? – Голос у Нины зазвенел, она хотела вернуть ему естественный тембр и спросила: – О чем вы?

– Сверток в газете, клочок вон остался, – продолжая завороченно разглядывать босоножки, ответил Лева. – Вы его бросили сюда в день убийства Логинова. Что в нем находилось, Нина Петровна? Куда вы его перепрятали?

– Чушь какая-то, – ответила Нина.

Лева сорвался.

– Сверток, который вы спрятали здесь в день убийства. – Он хотел достать из кармана удостоверение. – Вы, женщина... – что-то сверкнуло перед глазами, шарахнулись конюшни, земля рванулась из-под ног, ударила по затылку. Он не потерял сознания, наоборот, думал очень четко, пытаясь увернуться от второго удара, покатился по земле, услышав над головой мужской смех, вскочил.

Нинино платье мелькнуло за поворотом, рядом, в качалке, сидел незнакомый наездник, натягивал поводья, хохотал.

– Ниночка преподнесла? Она может! А ты не лапай, ишь франт какой объявился! – Он показал Леве хлыст. – Видал? Прими рысью отсюда.

Лева отскочил, грязный, взлохмаченный, с саднившей скулой – он никак не походил на франта.

Когда наездник, еще раз хохотнув, уехал, Лева подвинул решетку на место, кое-как отряхнулся и пошел на конюшню. Теперь, как никогда более, он отступить не собирался. Да, впрочем, уже и некуда было отступить-то.

Мастер-наездник Нина Петровна Григорьева на конюшне отсутствовала. По словам Коли, который усердно мыл гнедого Гугенота, Нина мигом собралась и уехала.

Глава шестая

На следующий день, в понедельник, Лева расхаживал перед кабинетом Турилина. Коридор был пуст.

Ежедневно, в девять сорок, все собираются в кабинете у Турилина. Три-четыре минуты выясняют, кто отсутствует: одни ведут срочные допросы, кто-то на месте происшествия. Затем Турилин, как полководец, оглядывает оставшихся в строю и, повернувшись к дежурившему ночью, говорит: «Прошу вас». Дежурный встает и медленно, монотонно, словно читая псалтырь, сообщает о зарегистрированных за сутки преступлениях. Если дело по своему характеру и общественной опасности заслуживает внимания управления, Турилин смотрит на сотрудника, которому предстоит им заниматься, тот отвечает кивком, мол, понял, сводка читается дальше.

В понедельник в сводке записаны преступления двух дней, двух нерабочих дней. Люди же проводят свой досуг различно, в уголовном розыске данный факт известен давно.

Лева явился сегодня на работу около восьми, написал обширную справку, где подробно изложил свои соображения по делу. Сейчас он ожидал вызова к начальнику, который обычно принимал сотрудников сразу, а вот сегодня мариновал Леву в коридоре уже около часа.

Константин Константинович прочитал справку, теперь сидел за столом и, отвечая на телефонные звонки, давая указания, выслушивая доклады, размышлял, что же ему делать с инспектором Гуровым. В целом молодой инспектор работал неплохо. Полученная информация обработана профессионально, рассуждения логически связаны, интересны, хотя многовато фантазерства, к примеру, в отношении «проверочного» телефонного звонка. Правда, сыщик без фантазии что всадник без лошади: кричать «ура!» может, да скакать не на чем. Довольно покашливая, прочитал Турилин справку до последнего абзаца, то есть до эпизода с наездницей Григорьевой. Выходит, рано радовался.

Поведение Гурова с Григорьевой перечеркивало все его достоинства. Его поступок мог очень усложнить расследование, поиски доказательств. Это беда, однако, поправимая. Розыск убийцы, человека расчетливого, жестокого, требует в первую очередь осторожности. Преступник, безусловно, осведомлен, что убийство из корыстных побуждений с заранее обдуманном намерением может привести к высшей мере наказания. Защищая собственную жизнь, когда терять уже нечего, он может и убить не моргнув глазом. Существует много профессий, где риск является их составной частью. Люди этих профессий обязаны неукоснительно соблюдать правила безопасности. Минер не ударит кулаком по неизвестному предмету, лишь бы убедиться, мина это или нет. Хирург не тычет скальпелем в поисках аппендикса. Электрик не хватается за обнаженные провода, проверяя силу тока.

Гуров допустил серьезнейшую ошибку. Турилин не знал, как поступить, и злился. Отстранить от ведения дела? Тогда мальчишка потеряет веру в себя, всю жизнь останется исполнителем. Пропесочить и оставить? Предположим, он извлек урок на всю жизнь: подробный откровенный доклад, в общем-то, свидетельствует об этом. Григорьева, конечно, не убивала, убийца, безусловно, мужчина. Есть преступления мужские и женские. Порой их можно спутать, чаще – нельзя. Логинова убил мужчина. Турилин не сомневался, однако Григорьева могла быть невольной пособницей. Она может рассказать убийце о Левае Гурове, сумасшедшем «писателе». Убийца поймет: на него выходят. Из мести, позерства, мании величия: плевать я хотел на весь уголовный розыск, где-нибудь за той же конюшней он может проломить Левае голову, обрывая к нему нить, может зарезать Григорьеву.

От этих мыслей Турилина отвлекла секретарша генерала, сообщившая по селектору, что Константина Константиновича просят к начальству. Турилин обрадовался вызову – решение можно отложить. Лева подскочил к полковнику, как только тот вышел из кабинета.

– Разговор наш, коллега, отложим на завтра, – говорил Турилин вышагивающему рядом Гурову. – Поезжайте в прокуратуру, доложите все следователю. На ипподроме я вам пока появляться запрещаю. – Он вошел в приемную генерала, слышал за спиной невнятное бормотание подчиненного, повернулся и добавил: – Только вы уж, коллега, пожалуйста, обойдите молчанием полученную оплеуху. Разрешаю соврать, скажите: оттолкнула и убежала. Ваше ползанье по навозу не делает чести ни отделу, ни мне, его руководителю.

Лева выскочил в коридор, добрал до кабинета, плюхнулся в кресло. Главное, от дела не отстранили, остальное поправимо. Он сложил второй экземпляр справки, положил в карман. Что еще? Вспомнил вчерашний вечер, о нем он не сообщил Турилину. Лева не собирался ничего скрывать, он несколько раз пытался изложить все события на бумаге, получался рассказ, эдакое эссе, но никак не деловая справка. Однако...

Вчера Лева ушел с конюшни и вернулся на ипподром. В ложе ничего не изменилось. Это для Гурова прошла чуть ли не вечность, а здесь – лишь два заезда. Аня насмешливо заметила, что из-за денег мужчине так нервничать не пристало. Наташа, томно улыбнувшись, сказала: «Ничего, Анка, он привыкнет, скоро станет пай-мальчиком». Сан Саныч кивнул на табло и спросил:

– Вам нравится?

Только теперь Лева вспомнил о лежавших в кармане билетах. На табло горели цифры: три и пять, чуть дальше – двести тридцать четыре.

– Сколько же я выиграл? – растерянно спросил Лева.

– Четыреста шестьдесят восемь, – ответил Сан Саныч и вопросительно указал взглядом на Левину уже опухшую щеку.

Лева пренебрежительно махнул рукой, кивнул на шумевшую за спиной публику и, пытаясь замаять щекотливый вопрос, заговорил:

– Потрясающе, почти пятьсот рублей. Мне тут внушали, – он вновь указал на зрителей, – Гугенот не имеет шансов, придет Титан либо Гвоздика.

– Педагоги. – Сан Саныч усмехнулся. – По сто лет на бегах провели. Анекдот. Ну, не будь на свете дураков, умным бы жилось скверно.

– Как же вы угадали? Секрет?

– Логика и психология. – Сан Саныч развернул перед Левою программку. – Здесь написано, что едут мастера. По радио же объявили изменения. На Титане вместо мастера-наездника Харкина едет наездник второй категории Кузькин, а на Гугеноте едет не Нина, а Петька Семин. – Сан Саныч говорил тихо, проникновенно, в то же время казалось, что он говорит с трибуны, и не для профана Левы, а поучает многочисленную квалифицированную аудиторию. – Титан – жеребец в компании сильнейший. Теоретически. Практически живой рысак с четырьмя ногами, может разладиться, перетренироваться. Харкин, как мне известно, человек паршивый, и лошадь, которая должна выиграть, помощнику не отдаст. Раз Харкин не едет, значит шансы Титана невелики. Григорьева? Гугенот впервые участвует по четвертой группе, должен ехать мастер. Нина сажает в качалку помощника. Она знает, что Титан разладился, он и встал на третьей четверти, а Тимофеевича на Гвоздике можно взять ездой. Семину пора получить первую категорию. Нина отдает ему Гугенота. Пусть молодой дерзает.

– Все просто. – Лева потер распухшую щеку.

– Очень, – согласился Сан Саныч. Глаза же его смотрели насмешливо. – По законам ипподрома с вас причитается, дорогой новичок.

Лева засуетился, предложил пойти в ресторан. Сан Саныч брезгливо поморщился.

– Ната, ты приглашаешь нас в гости. Отметим успехи Гугенота, Григорьевой, пацана Семина и связанную с ними нашу скромную удачу.

– Рада, только у меня нет даже хлеба, – ответила Наташа.

Решив все купить по дороге, они вышли с ипподрома. Лева получил выигрыш, вместе с мамиными у него теперь имелось более пятисот рублей, и он чувствовал себя как-то непривычно. Стараясь не думать о завтрашнем дне, полковнике ТуриLINE, Лева с радостью уцепился за возможность забыться, принял приглашение «выпить по чашечке кофе и послушать приличную музыку». Впрочем, его никто не приглашал. Сан Саныч ни о чем не спрашивал окружающих, не предлагал, не советовался, он сообщал им, где и как они проведут ближайшее время. У него была «Волга», старая модель, но в хорошем состоянии. Проехав несколько кварталов, он остановил машину и сказал:

– Командуйте, Лева.

Лева понял, его отправляют за спиртным и закуской. Он взял сидевшую рядом с ним Аню за руку и шепнул:

– Спасайте, я абсолютный профан, – и очень предусмотрительно сделал, так как Сан Саныч остановил машину не у гастронома, а около шикарного ресторана.

Лева знал, лучше всего на людей, к которым ты обращаешься с просьбой, воздействует правда. Особенно если она просителя слегка принижает либо делает чуть смешным. По дороге в зеркальный вестибюль Лева быстро выложил девушке свою правду: он никогда не заходил в этот ресторан, не имеет понятия, как здесь следует разговаривать. Анна назвала его прелестью, взяла уверенно под руку, провела через весь зал, усадила за свободный столик, который явно никем не обслуживается. Затем она взяла у него десять рублей и подозвала официанта. Он начал объяснять, жестикулировать, Анна положила ему в нагрудный карман десятку, и официант затих. Лева перестал удивляться, со скучающим видом осматривал зал, девушка же раздельвалась с официантом, как опытный следователь с задержанным с поличным воришкой.

– Икра есть? Десять порций. Рыба? Я не про селедку спрашиваю, оставьте кету шеф-повару. Десять порций. Коньяк – две бутылки, шампанского две бутылки. Шашлыков восемь...

Официант стоял смиренно, вперив глаза в потолок.

– Пять минут, – закончила свой монолог девушка.

– Шашлыки жарить надо, – безнадежно сказал официант.

– Ихние принесешь, – Анна указала на соседний стол. – По мордам видно, шашлыки ждут.

– Они час с лишним...

– Час или два, какая разница? – перебила официанта Аня.

Пытаясь сохранить видимость достоинства, официант отошел к соседнему столу, до Левы донеслись обрывки разговора, официант объяснял, что шашлыки оказались на редкость скверные, подавать стыдно, – сейчас приготовят новые.

Лева уже изучил весь зал, пересчитал все столики, занялся люстрой. Он чувствовал, девушка смотрит на него, ему же смотреть ей в глаза очень не хотелось.

– Сколько вам лет, Левушка? – спросила Аня и, не дожидаясь ответа, продолжала: – Двадцать пять, двадцать семь. Как же вам удалось сохранить невинность?

Злить Леву не стоило, в отделе это знали, знали и некоторые из его бывших «клиентов».

– Я не люблю наглые вопросы, – медленно сказал он и посмотрел Анне в глаза.

– Подумаешь! – Она пожала плечами. – Много о себе.

– Не надо, – перебил Лева. – Людей унижать нехорошо, – он встал навстречу подбежавшему официанту, принял от него огромный пакет, заплатил двести с лишним рублей по счету и, не оборачиваясь, пошел к дверям.

Аня секунду помедлила, затем бросилась догонять Гурова. К машине они подошли вместе.

Наташа жила в однокомнатной квартире. Впуская гостей, нарочито ужаснулась царившему беспорядку, ленивыми движениями переложила несколько вещей. Неубранная двуспальная тахта, разбросанные везде предметы женского туалета, пепельницы, полные окурков. Лева

выбрал единственное кресло, на котором ничего не валялось, осторожно сел, взял с кровати книжку с глянцевитой обложкой. Кукольная блондинка, томно закатив глаза и обнажив грудь, изображала испуг, а существо с когтями и клювом, склонившееся над ней, готово было вот-вот задушить ее. Других картинок Лева не нашел, а английского он не знал, книжку пришлось отложить.

Хозяйка исчезла и, судя по доносившемуся шуму воды, находилась в ванной. Сан Саныч с Аней, перебрасываясь шутками, ловко накрывали на стол. Ходили по квартире они уверенно, знали, какой ящик серванта открыть, где что взять. Аня избегала смотреть на Леву, казалась или пыталась казаться смущенной.

Сан Саныч выглядел в домашней обстановке значительно моложе и проще, чем в ложе ипподрома. Исчезла монументальность, солидная, чуть ленивая медлительность. Он двигался быстро и легко, порой с мальчишеской порывистостью, явно хотел казаться ловким. Когда он сидел, то производил впечатление крупного, даже полноватого мужчины, когда стоял или ходил, казался среднего роста, стройным. Волосы он носил длинные, но не битловские, а красивые, вьющиеся. Лева пытался отгадать, чем он занимался в свободное от бегов время, когда Сан Саныч сел рядом, налил две рюмки и сказал:

– Выпьем, писатель. – Он сделал два бутерброда с икрой, приподнял свою рюмку.

Лева кивнул и выпил. После второй рюмки кресло стало мягче и глубже, комната просторнее. Сан Саныч тоже молчал, Лева, бесцеремонно в упор разглядывая его, понял, почему он, сидя, выглядит старше. Вблизи можно разглядеть в шевелюре седину, главное же – глаза, серьезные, глядящие чуть устало и насмешливо. Умные глаза, красивые. Он не скользил взглядом, смотрел, точно показывал пальцем.

Вернулась из ванной Наташа, опустила на стул, сбросив тапочки, поджала босые ноги. Лева наконец понял, что все ее медленные ленивые движения, позы и театральные повороты она скопировала с Сан Саныча. Таким он был в ложе ипподрома. Только у него, как выражаются киношники, четко проступал второй план, он действительно о чем-то напряженно думал, от этого у него не хватало энергии на движения, Наташа же казалась позеркой, плохой актрисой.

Точно угадав мысли Левы, Сан Саныч сказал:

– Настасья Филипповна из местных.

Лева согласно кивнул, Наташа явно не была знакома с Настасьей Филипповной и, томно зевнув, сказала:

– Мальчики, хочу шампанского.

– Как прикажете. – Сан Саныч вскочил, начал суетливо открывать бутылку.

– Служить завсегда рады-с, – поддержал его игру Лева, тоже вскочил и занялся приготовлением бутербродов. – Икорка свежая, не сомневайтесь, сегодня от Елисеева.

– Семужка нежнейшая, так и тает, – вторил Сан Саныч, – по специальному рецепту.

Включили музыку, Лева любил и умел танцевать. Девушки приглашали его по очереди, посмеиваясь над Сан Санычем, который танцевал скверно.

Около двенадцати Лева собрался уходить, Аня, подхватив свою сумку, тоже направилась к дверям. Сказав, что нетрезвым машину не водит, Сан Саныч остался в квартире. Не спросил разрешения, просто сказал:

– Ната, организуй раскладушку, я останусь.

Какое дело инспектору Гурову до их отношений? Мало ли почему, кто и где остается спать?

Лева отвез Аню домой на такси. Она жила в старых переулках, в трехэтажном неказистом доме.

Потом он шел домой пешком и думал, думал, вспоминал и вспоминал, и чем дальше, тем больше накапливалось вопросов. Много было неясно, одно не вызывало сомнений: Лева

Гуров чем-то заинтересовал Сан Саныча. Чем? Экспромт с вечеринкой умело и тонко подстроен. Почему? Лева выиграл по подсказке, выигравший угощает. Естественно, Лева запутался, когда же попытался изложить свои соображения на бумаге, получилась полная ерунда.

Предупрежденный звонком, следователь прокуратуры ждал Леву в своем кабинете. На огромном старинном столе громоздились папки с делами. Следователь, крикнув, поднялся из кресла, протянул Лева руку. Как и в прошлый раз, Левины пальцы потонули в широкой мягкой ладони. Следователю было около шестидесяти, он был очень крупным, полным мужчиной. В кабинете все большое – стол, кресло, не сейф, а необъятный железный шкаф, даже папки на столе неправдоподобно пухлые. Следователь прошелся, разминая затекшие ноги, тяжело дышал, сопел, словно перед приходом Левы не писал, камни ворочал.

– Ну что, господин инспектор? – Он выпил подряд два стакана воды, тут же стал вытирать платком лицо и шею. Увидев, как Лева достает свою справку, следователь запротестовал: – Ой, бумаги надоели. Словами, русскими простыми словами, пожалуйста. – Лева сел в кресло для посетителя, начал было говорить, хозяин остановил: – Подожди. – Он кряхтел, долго усаживался в кресло, попытался сложить разбросанные по столу папки в стопку, безнадежно вздохнул – словом, готовился слушать многочасовой доклад. – Ну, давай, – обреченно сказал он.

Лева начал резво, следователь его тут же остановил:

– Стой! – Подумав, сказал: – Давай!

Весь доклад Левы своими «стой» или «давай» следователь разбил на логически законченные куски, даже точнее, чем они были разделены абзацами в справке. Когда Лева закончил, следователь ему подмигнул и сказал:

– А чего? Ты ничего. – Он с любопытством разглядывал Леву, словно тот сию минуту вошел без стука.

Лева не любил, когда к нему обращались на «ты», терпеть не мог порой употребляемые интеллигентами простонародные выражения, которые сегодня и в деревне-то не услышишь. Толстенный, утирающий пот следователь Лева нравился. «Ты» у него звучало естественно, без упрощения и панибратства, «чего» – он выговаривал вкусно, видно, нравилось ему слово. Следователь закончил осмотр Левы, поворочался в кресле, хотел подняться, лишь вздохнул и сказал:

– Шкафчик открой, пожалуйста, сделай любезность. – Он указал на свой огромный, во всю стену, сейф-шкаф.

Ключи торчали в замке, Лева отодвинул тяжелую дверцу, пахло сыростью и лежалой бумагой.

– На нижней полке сверточек в газете, дай-ка его сюда, дружок.

Лева взял лежавший на нижней полке перевязанный шпагатами, заклеенный сургучными печатями пакет, положил на письменный стол. Следователь подвинул пакет к себе, накрыл ладонями, хитро улыбнулся.

– Даю одну попытку, отгадывай.

– Пакет принесла Григорьева, – ответил Лева. – Она прятала его в водостоке, перед этим нашла у тела Логинова.

– Ну, – протянул следователь, – с тобой неинтересно. – И быстро спросил: – Что в пакете? Лева протянул руку, хотел пощупать пакет, следователь не разрешил.

– Ты его уже держал.

«Подкова», – подумал Лева, тут же отказался от мысли. Пакет тяжелее, главное, больше по объему.

– Ну, ну, – следователь усмехнулся. – Ведь верно все здесь излагал.

– Билеты тотализатора, – сказал Лева.

– Верно. Сколько?

– Пятьсот, – рубанул с плеча Лева.

– Чертенюк. Пятьсот тридцать. – Следователь вновь достал огромный платок, как бы признавая свое поражение. Когда же Лева собрался влезть на пьедестал, следователь тихо, как бы между прочим, спросил: – Когда Григорьева принесла их?

– Григорьева ждала вас сегодня в девять, у кабинета, – уверенно сказал Лева.

– Шиш! – Лева увидел шиш такого размера, какие и в мультфильмах не показывают. – Вот так-то, – следователь говорил уже серьезно, без тени юмора: – Возьми, поработай немножко. – Он протянул Лева бумагу, на которой столбиками были выписаны цифры. – Номера билетов, покупали их в разных местах, но, может, кассирши что-нибудь подскажут. Они же знают завсегдатаев. – Понимая, что Лева ждет от него другого разговора, следователь смилостивился. – Дружок, ты сам здесь очень хорошо, точно, главное, логично доказал: Григорьева и Логинов люди хорошие, от данной печки и плясать следует. Доказал одно, а бросился в обратную сторону. Решил, так не сворачивай, хуже нет метаться. Григорьева принесла мне данный сверточек в четверг. Спрятала она его сгоряча, думала, обнаружат рядом с мертвым наездником билеты тотализатора, запачкают билетки покойного с ног до головы, дело ее любимое измажут, товарищей-наездников, всех. Я вам в пятницу звонил несколько раз, – перешел на «вы» следователь. – Мне сказали, вас не будет. Я и отложил до понедельника.

Лева слушал следователя, не зная, радоваться ему или огорчаться. Нина ни в чем не виновата. Все его выкладки оказались верны, кто-то играл против Гладиатора. От этого непомерно высокая выплата за фаворита. Есть билеты тотализатора, можно побеседовать с кассирами. Смогут они вспомнить, кто делал крупные ставки? Судя по списку, ставки делались в двадцати пяти кассах. Этим займутся братья-разбойники. Лева на ипподроме расшифровываться нельзя.

– Молодой человек! – Следователь смотрел на Лева сердито. – Я, кажется, разговариваю с вами.

– Извините, задумался. – Лева улыбнулся, он видел, следователь лишь напускает на себя сердитый вид.

– Слушай, ты случаем не Ивана Гурова сын? – спросил следователь.

Началось, подумал Лева, хоть фамилию меняй. Куда ни придешь, один вопрос, сын или не сын.

– Нет, – ответил он.

– Врешь. – Следователь хитро подмигнул. – Запомню, сейчас вспомню. Иван мне как-то в горьком встретился и рассказывал, мол, отпрыск по сыскной части трудится. Да ладно. Не сын ты, личность. Признаю. – Вспомнил что-то смешное, искорки забегали в глазах, потом нахмурился и засопел. Лева приготовился, ясно, сейчас разыгрывать его начнет.

– Да, вспомнил, – сказал следователь. Лева даже приподнялся в кресле. – Что-то ты про звонок в кабинет рассказывал? Интересно, интересно, – пытаюсь сдержать улыбку, он хрюкнул, получилось ужасно смешно, тогда он расхохотался вовсю. Непонятно, над кем он смеется, над Левою или над собой. Вообще, как уже отметил Лева, старший следователь прокуратуры по особо важным делам оказался непозволительно возрасту и положению смешлив.

Лева из вежливости тоже улыбнулся, потом, вспомнив известную фразу: «Платон мне друг, но истина дороже», сказал:

– Простите, однако под всем мною сказанным могу расписаться.

– Фантазер, фантазер. Оставим это.

– Простите. – Лева начал краснеть. – Свою версию я готов отстаивать.

– Каким образом? – Чтобы не видеть Левиного румянца и вновь не рассмеяться, следователь начал перекладывать разбросанные на столе дела.

Идея, которую собирался высказать Лева, появилась у него, когда он, ожидая Турилина, расхаживал по коридору управления. Методом исключения Лева пришел к выводу, что если

он знает звонившую девушку, то это может быть только Аня, приятельница Сан Саныча. Почему бы и не проверить. Номер телефона Ани у него имеется.

– Вы мне на слово поверите? – спросил Лева. Следователь ответил жестом, означавшим: «Как тебе не стыдно, старик!»

– Прекрасно, нужен параллельный телефон и молодая женщина.

– Аппараты параллельные, – следователь указал на телефон на столе и аппарат, стоявший на столике в углу кабинета, – а молодая женщина... – Он взглянул на часы, Лева отметил, что хозяин часто на них поглядывает, расценивал это, как предложение закругляться. – Молодая женщина задерживается. – Следователь выбрался из-за стола, приоткрыв дверь, выглянул в коридор. – Здравствуйте, я вас жду.

– Я слышала голоса и считала, вы заняты. – Лева услышал женский голос и встал.

– Обычно на работе я всегда занят, Нина Петровна. Проходите, пожалуйста.

Нина была в строгом, почти вечернем костюме, в туфлях на высоких каблуках, видимо, только что из парикмахерской, так как Лева почувствовал легкий запах лака, каким обычно покрываются волосы после укладки.

– Здравствуйте, – Лева поклонился.

Нина глубоко вздохнула, будто собиралась прыгнуть с вышки, зачем-то переложила сумочку в левую руку. За спиной закашлялся следователь, и Нина опомнилась.

– Пишете? Доносы пишете! – громко сказала она. – Мерзкий вы человек!

– Сядьте, Григорьева, – спокойно сказал следователь. От его тона даже Лева поежился.

Нина села, демонстративно отвернувшись к стене. Лева продолжал стоять, следователь начал расхаживать по кабинету, ходил и молчал, молчал и ходил. Было совершенно ясно, говорить здесь сейчас имеет право он один. Следователь молчал долго. Нина перестала смотреть в стену и опустила голову, только тогда следователь заговорил:

– В этом кабинете доносов не писали. Когда вас, Нина Петровна, на свете не было, в те времена доносы здесь тоже не писали. Вы меня поняли?

– Простите, я вас не хотела обидеть, – ответила Нина.

Леве хотелось сказать: ну, хватит, хватит, все понятно. Он даже откашлялся. Следователь наградил его таким взглядом, что Лева еще раз кашлянул и промолчал. Неужели этот человек несколько минут назад был смешным толстяком, жаловался на жару, хлопал себя по груди и кричал в кресле? Хозяин, большой и массивный, расхаживал по кабинету легким стремительным шагом, Леве казалось, пожни сейчас ему следователь руку – и ладонь у него не мягкая, железная.

– Я вас в прошлый раз пожалел, зря пожалел, оказывается. Вы понимаете, что означают эти билеты тотализатора? Их оставил убийца, возможно, на билетах были его отпечатки пальцев. Вы самовольно собрали билеты и все испортили. – Это был блеф, на картонных билетах могли оказаться сотни отпечатков. – Лев Иванович Гуров – советский офицер. – Следователь вновь сделал паузу. – Все должны усвоить, что значит советский офицер. Гуров – один из лучших сотрудников уголовного розыска, ас, можно сказать. – Лева не знал, куда деваться, сесть, что ли? А то стоит, как памятник самому себе. Следователь почувствовал его состояние, взял под руку, заставил ходить рядом и, уже не обращая внимания на Нину, спросил своим обычным тоном: – Так что у тебя за идея, дружок? Есть у нас параллельный телефон, есть молодая женщина.

Лева приходил в себя.

– Ты хочешь позвонить своей незнакомке? Значит, ты кого-то подозреваешь и имеешь номер телефона? Почему не рассказал раньше? Кто? Как познакомились? Какие основания подозревать? Хорошо, хорошо, позже расскажешь. – Не давая Леву вставить ни слова и продолжая говорить, следователь подвел «советского офицера» к креслу, усадил. – Предлог для звонка? Тема разговора? Не получится, что вы нас проверяете, а мы вас перепроверяем?

– Не получится, я продумал, – ответил Лева. Передышка, предоставленная ему следователем, вернула спокойствие. Во всем происходящем увидел даже комическое, когда же хозяин из-за спины Нины подмигнул ему, Лева заулыбался. – Я запишу, чтобы Нине было легче говорить.

Лева записывал для Нины текст, следователь негромко объяснял ей:

– Нам нужно послушать один женский голос. – Нина кивнула, следователь хотел предвзительно разговорить ее и спросил: – Как здоровье Гладиатора?

– Гриша? Спасибо, здоров. – Нина сразу оживилась. – Он вообще у нас крепыш, не жалуется, веселый, порцию свою сегодня хорошо поел. Скоро в Европу едет.

– Вас возьмет?

– Возьмет. – Нина улыбнулась. Разговаривая о лошадях, она преображалась, от всей ее сдержанности не оставалось и следа.

– Пожалуйста, – Лева протянул Нине лист.

Нина читала, морщась, удивленно спросила:

– Костюм стоит рубль двадцать?

– Нет, но она вас поймет, – ответил Лева.

Вчера он слышал, как Аня говорит Наташе, что оставила продавщице комиссионного магазина свой телефон, хочет купить брючный костюм. На этом Лева и собирался сыграть. Нина перечитала текст несколько раз, следователь поставил ей телефон на колени и сказал:

– Сядьте свободнее, легче говорить будет.

Нина послушно откинулась на спинку кресла, набрала номер. Снимая параллельную трубку, Лева вспомнил, как вчера у него постепенно появилось ощущение, будто голос Ани ему хорошо знаком. Когда они ехали в машине, Лева спросил у девушки номер телефона, она почему-то соврала, сказала, что телефона нет. Он запомнил адрес и по справочному узнал: в доме, где живет Аня, телефон есть только в ее квартире.

В трубке звучали длинные гудки. Нина вопросительно взглянула на следователя, и в это время резкий женский голос ответил:

– Да. Говорите.

– Позовите, пожалуйста, Аню, – сказала Нина.

– Я на проводе.

Лева не узнавал ни голоса Ани, ни голоса незнакомки.

– Добрый день, – читала по бумажке Нина. – Я слышала, вы интересуетесь брючным костюмом.

– Да. Да. Вы от Ксюши? – голос подобрел, и Лева узнал Аню.

– Нет, но мне сказали... – сообразила ответить Нина.

– Верно. Не имеет значения. – Аня заговорила веселее. – Что вы можете предложить?

– Италия, – ответила Нина, – цвет морской волны, брюки с манжетами, карманы накладные.

– Что вы хотите?

Нина растерянно взглянула на Леву, тот, закрыв трубку рукой, подсказал:

– Сколько стоит.

– Рубль двадцать, – чуть запнувшись, ответила Нина.

– Надо взглянуть. Какой размер?

– Сорок шесть – сорок восемь.

Лева умышленно написал размер больший, чем Ане нужно, чтобы удобнее было прервать разговор.

– Милочка, – разочарованно протянула Аня, – я не доярка колхоза «Красный богатырь». Сорок четыре. Это максимум.

– Сорок шестой вполне приличный размер, – обиделась Нина. – Или вы балерина?

– Не балерина, – передразнила Аня, – но задница у меня сорок четвертого размера, и я не кормящая мать.

– Не подходит? – решительно спросила Нина.

– Сорок четыре, милочка, очень прошу...

– Оревуар. – Нина положила трубку, но Лева ее не положил и слышал, как Аня продолжала говорить:

– Минуту, милочка. Если у вас будет сорок четвертый...

Лева опустил трубку. Самое обидное, что эксперимент не дал ни положительного, ни отрицательного результата. Лева и узнавал и не узнавал голос незнакомки.

Хозяин кабинета сочувственно спросил:

– Не понял, Лев Иванович?

– Не понял, – согласился Лева. – Оставим как версию?

– Оставим. – Следователь повернулся к Нине. – Спасибо за помощь, Нина Петровна.

А сейчас вот вам журналчик, – он взял с журнального столика несколько экземпляров, протянул Нине, – посидите в коридорчике. Мы тут кое-что обсудим, затем Лев Иванович вас проводит.

– Благодарю, мне пора на работу, дорогу я найду. – Нина смотрела независимо.

За последние сорок минут у следователя в третий раз изменился голос.

– Оставьте, Нина Петровна. Я вам сказал – подождите, и вы подождете, Лев Иванович вас проводит, купит по дороге цветы, я хочу, чтобы ваши сослуживцы видели, как он за вами ухаживает. В дальнейшем ни он, ни я не станем вам объяснять свои поступки. Помощь следствию не благодеяние, а священный долг каждого нормального советского человека. – Он четко выговаривал каждое слово, Нина стояла перед ним и выслушала все до конца. – Мы защищаем социалистический правопорядок. Жизнь человека священна, убийца должен быть выявлен и наказан. Один раз вы нам помешали, больше мешать не будете. – Следователь взял Нину под локоть, подвел к двери, открыл ее. – Сидите и ждите.

Лишь только закрылась за Ниной дверь, следователь будто потолстел, обрюзг. Тяжело вздохнув, он спросил:

– Понял, какие слова знаю? А ведь то не слова. – Он взялся за графин, выпил два стакана подряд и извлек из кармана свой платок-полотенце. Усаживаясь в кресло, он вновь сопел, охал, морщился, в общем, страдал, словно великомученик.

– Женщины – публика тяжелая, – сказал он. Лева хотел улыбнуться, но, встретив серьезный взгляд, воздержался. – Ты, братец, умен, возможно, даже талантлив, да вот чувства собственного достоинства тебе не хватает. Что это ты девочке так с собой держаться позволяешь? Там, в вашей оперативной обстановке, ты можешь клоунаду разыгрывать, фигли-мигли разные. А уж коли здесь встретились, обязан держать себя достойно. Она ведь тебя чуть ли не ударить здесь собиралась. А ты знаешь, кого бьют? Бьют только человека, который разрешает себя ударить.

– Не понимаю, – смущенно пробормотал Лева.

– Вижу. То и плохо. Вдумайся. Ты не Лева Гуров, ты – это полковник Турилин, друзья по работе, вся наука, которая на нас работает, все – ты. Так и держись. Если убежден, что нельзя тебя послушаться, убежден – хамить тебе невозможно, любыми глазами на человека гляди, он точно поймет, что ему позволено, что – нет. Силу за собой чувствуй, другие ее вмиг почувствуют. – И вдруг без всякого перехода спросил: – Как дальше-то жить будем? Что предпримем, товарищ инспектор уголовного розыска?

Лева хотел изложить свой план, вовремя вспомнил указание Турилина и сказал:

– Мне Константин Константинович запретил пока на ипподроме появляться.

– Костя? Испугался за тебя, значит? – Следователь снял телефонную трубку, начал набирать номер. – Сейчас мы с ним посоветуемся.

Лева не удивился, что следователь называет Турилина по имени. Все старики друг друга знают. Кости, Вани, Васи. Либо они вместе строили и копали, либо воевали. Все друг другу обязаны по гроб жизни. Если не один другого вытаскивал из-под огня, значит тот вытаскивал из иного месива его брата. Почему-то по служебным вопросам они разговаривали всегда сугубо официально, и Лева не удивился, когда, соединившись с полковником, следователь сказал:

– Константин Константинович? Здравствуйте. Из прокуратуры города...

Глава седьмая

Нина работала на кругу. Двухлетний жеребенок, которого она водила по дорожке шагом, поступил на ипподром с завода в апреле, сейчас июль, жеребенку пора участвовать в бегах, а он рысь как следует не освоит. Четверть круга пройдет – запрыгает, галопом ему хочется. Не понимает, что он рысак, да еще королевских кровей, должен осенью по своему возрасту выигрывать, он же все балуется, даже по седьмой группе проигрывает. Сейчас опять, словно впервые услышал воробья, закосил, зафыркал, прыгать его потянуло, Нина строго одернула жеребенка, заставила идти шагом.

Как всякая женщина, Нина мгновенно почувствовала внимание к себе писателя. Ей нравилась его фигура, изящный костюм, нравилась стеснительность, постоянный вопрос в глазах, голубых, мальчишески наивных. Когда там, на аллее ипподрома, Лева поднял решетку, посмотрел на Нину с отвращением, начал говорить обидные слова, она потеряла голову. К сожалению, ей часто приходилось давать отпор мужчинам, особенно в первые месяцы работы на ипподроме. Но те, прежние, ждали от нее удара, даже признавали ее право на физическое сопротивление, встречали его подготовленными, с шуткой или пьяной руганью, защищались. Лева упал, так как не ожидал ничего подобного. Она бежала, бежала и плакала. В глазах его она увидела презрение. И этот взгляд больше всего оскорбил ее. Бессонной ночью эмоции постепенно утихли, уступили место рассудку. Писатель что-то разузнал, значит выводил за ее спиной. Кто-то из работников мог видеть ее у этого люка. Писатель теперь собирает материал для газеты, то есть собирается сделать то, чего Нина более всего боялась – огласки, тенденциозной, обывательской, грязной оценки происшедшего. Увидев его в кабинете, Нина снова захотела поднять руку, следовательно за спиной вовремя закашлялся, а то быть бы беде.

Она послушно сидела в коридоре прокуратуры и ждала. Журналы лежали у нее на коленях, она их даже не развернула. Лева все не выходил, она радовалась отсрочке, ведь необходимо подготовиться. Как теперь вести себя с ним? Значит, она ударила не рыскающего в поисках сенсаций писаку, ударила офицера, инспектора уголовного розыска, человека, который искал убийцу, старался ей, Нине, помочь. Что же теперь делать, как вести себя с ним? Инспектор уголовного розыска. Ас, сказал следователь. Но ведь в уголовном розыске работают либо самбисты, либо боксеры, на худой случай штангисты. Худенький юноша, если бы не рост, жокеем мог бы стать. Как он бандитов и убийц выслеживает и арестовывает? Где холодный взгляд, тяжелые плечи, уверенная поступь? В прокуратуре тоже сидит какой-то дачник, пенсионер, опившийся чаем. Инспектор на эстрадного гитариста похож, разве что прическа попримичнее. Нина с ужасом ждала появления Левы. Он вышел из кабинета веселый, улыбающийся, протягивая ей руку, сказал:

– Нина, я давно хотел вам предложить, – мимо проходили какие-то люди, он наклонился к ее уху и тихонько поцеловал, – маленькую сделку: за каждый ваш удар – два поцелуя, договорились?

...Воспоминания не мешали Нине работать. Она чувствовала шаг жеребенка, слышала его, копыта ударяли ритмично. Выйдя на прямую, Нина решила пустить жеребенка в резвую, надо выяснить в конце концов, почему он так стоит на испытаниях. Жеребенок послушно принял посыл, копыта застучали чаще. Нине не нужен был секундомер, она знала, едет четверть в тридцать шесть секунд, то есть может пройти дистанцию примерно за две минуты двадцать пять секунд. Для двухлетки, участвующей в испытаниях по седьмой группе, просто отлично. Сколько он в таком темпе может выдержать? Миновали вторую четверть, вошли в третью, неожиданно сзади раздался стук копыт. Нина, не оглядываясь, вслушивалась в наступающий их шаг, как в музыку, хотя никакой мелодии не было. Такая неумолимая печать шага рысака лучшая музыка для наездника. Нинин жеребенок все держался в свои тридцать шесть. По тому,

как мощно настигал их соперник, Нина определила, что он бежит в тридцать одну. Так ровно и четко идти мог только Григорий, но он сейчас в деннике. Рысак проплыл мимо, будто Нина не ехала, топталась на месте, жеребенок ее, желая догнать нахального соперника, запрыгал, наездница осадил его, взяла в руки, сама смотрела на удаляющегося гнедого. Она мгновенно узнала и наездника и рысака. Ехал мастер Тенин, только он умел в качалке сидеть как на троне, расправив плечи и гордо откинув голову. Его гнедой жеребец Ринг бежал великолепно, еще недавно он показал две минуты двенадцать, сейчас был готов на две ноль пять.

Нина успокоила своего двухлетка, заставила шагать. Она видела гнедого Ринга лишь мгновение, но ей и этого было достаточно. Готовность и классность рысака наездник определяет с одного взгляда. Нина заторопилась на конюшню взглянуть на Григория, она не видела его уже часа полтора. Осталось чуть больше недели, держись, Гриша, у тебя появился достойный соперник. Нина не знала, радоваться ей или огорчаться.

У конюшни Rogozin с Левого возились с «американкой», правили у нее колеса, восьмерило чуть-чуть. Нина бросила жеребенка на попечение встретившего их Николая, даже не взглянув на Леву, о котором думала последние часы, прошла к денникам. Гладиатор заржал.

– Выводить, Нина? – спросил подошедший Rogozin.

За последние дни он впервые назвал ее по имени. Нина, оторопев, кивнула и радостно ответила:

– Выводите, выводите, Михаил Яковлевич.

Гладиатор выбежал на солнце, играя, делал вид, что пугается тени от столба, описал вокруг конюха круг и замер. Он отлично понимал – людям необходимо полюбоваться на него, ну что ж, пусть любят, ему не жалко. Он стоял, свободно и в то же время картинно изогнув шею, раздувал ноздри, не двигаясь, перекатывал под лопатками мощные мышцы. Черный шелк кожи был так тонок, что просвечивали голубые вены. Нина провела полотенцем по крупу, смахнула опилки, кожа, до этого блестящая, засверкала.

– Не воображай, грязнуля. – Нина протирала жеребенка полотенцем, ласка ее рук никак не сочеталась с нарочито серьезным тоном. – Я сейчас покажу тебе одного товарища, ты лишь взглянешь и поймешь, не зря он тебе через бабушку родственничком приходится. Он с тебя спесь собьет.

Коля уже подкатил качалку, Rogozin запрягал, жеребец взял железный мундштук, будто сахарный. Нина заняла свое место, конюхи отскочили, рысак стоял. Выдержав солидную паузу, – ведь необходимо напоминать, кто здесь главный, – Гладиатор медленно двинулся. Он не жеребенок, не какой-нибудь заштатный рысачок-трехлеток, ему не пристало бежать на круг рысью. Медленно, медленно, каждый шаг – в историю, он еще сдерживался, бежать-то все-таки хочется.

– Понял Григорий, все понял, – скупой улыбнулся Rogozin. – Видал, Виталий на Ринге проехал, зацепил Нинку, зашебурилась девочка. Хорош Ринг, спору нет, капитальный жеребец, класс, школа, все при нем. А Григория ему все равно не объехать.

Когда Нина с букетом алых гвоздик появилась у конюшни, Rogozin зыркнул из-под нависших бровей и, как жук, уполз в темноту. Он не поздоровался, молча ушел, пока наездница переодевалась, так же молча запряг Нине жеребенка. Только когда она отъехала, повернулся к Лево.

– В хахали решил запрячься? На этой дорожке тебе не проехать.

Николай увел трех жеребят на выводку. Лева скинул пиджак, засучил рукава, схватил ведро, может, воды принести? Rogozin ушел в денник, молча начал колдовать над копытом серого жеребца по кличке Вымпел. Лева упрямо вошел в денник, сел в углу на опилки, это в своих-то блестящих дакроновых брючках. Он уже понял, молчание старого конюха прочно. Плетью обуха не перешибешь, решил он, надо подойти с другого конца. Лева честно, без утайки рассказал Rogozinu все. Рассказал свою версию убийства Логинова, о билетах, о подкове,

сознался, что одну подкову унес он, Лева. Последний факт особенно подействовал на Rogozina, ведь действительно пропали две подковы, а не одна. Конюх перестал привязывать компресс, сел, обнял ногу лошади, прижался к ней, слушал Леву уже внимательно и смотрел на него. Слукавил Лева только в одном месте: он сказал, что Нина якобы сама заявила о найденных билетах тотализатора. И будто бы она сказала: без помощи настоящего специалиста вам не разобраться. Лучше Rogozina Михаила Яковлевича на всем ипподроме конюха и человека вам не найти. Откройтесь Михаилу Яковлевичу, не пожалеете, он один помочь может.

В этом месте конюх не выдержал и сирым голосом пробурчал:

– Врешь, как двухлеток скачешь.

Все грехи человеческие Rogozin приписывал двухлетним, поступающим с завода жеребят. Лева уже привык, не обиделся, доказывая, что он значительно обогнал в хитрости не только жеребят, но и взрослых призовых рысаков, напомнил конюху, как он, инспектор уголовного розыска, без сомнений открылся Rogozinu.

– Скачи, скачи, – сказал Rogozin, выходя из денника.

Лева поплелся следом. Rogozin расхаживал у конюшни, скреб в затылке, думал. Лева присел в сторонке, не мешал. Rogozin выкатил качалку, начал снимать колесо. Лева молча стал помогать. Несколько минут они трудились молча, наконец Rogozin спросил:

– Чего же ты хочешь, нескладеха?

Лева объяснил, что покойного мастера не знал, не может понять, почему он так странно вел заезд перед смертью. Кто и чем мог его так рассердить?! Rogozin вновь задумался, они молча трудились, один размышлял, другой ждал. В это время подъехала Нина.

Лева заметил перемену в Rogozine – старый конюх подобрел, повеселел, даже улыбнулся невзначай. Хотя говорил он о вещах, никакого отношения к делу не имеющих, Лева слушал внимательно, боясь слово пропустить. Случается, люди зазорным считают помочь следствию, обронят самое главное, словно случайно, а дальше твое дело, подобрал важную информацию или валяться оставил.

Ровно в шестнадцать часов Гуров вошел в кабинет Турилина. Отменив свое запрещение появляться на ипподроме, полковник попросил Гурова прибыть к этому времени. Кабинет начальника отдела уголовного розыска ничем особенным не отличался, лишь сейф в углу да телефонов много.

Турилин пригласил Леву к себе, хотя вполне мог дать ему указания по телефону. Под нажимом следователя прокуратуры полковник разрешил Леве вернуться на ипподром, но отнюдь не был уверен в правильности своего решения. Преступник опасен, работать рядом с ним следует крайне осторожно и быть готовым к прямому столкновению. Оружия Гуров, конечно, с собой не носит, правильно делает. Что ему сказать, как еще раз предупредить? Либо верить, что он готов к такой работе, либо отстранять.

– Поезжайте в редакцию, – Турилин мельком взглянул на подчиненного. – Нехорошо получается, Лева, бумажку в журнале мы получили, а очерк не пишем. Некрасиво. Сейчас главный редактор совещание проводит, вы у дверей подождите. Вы меня поняли?

– Да, Константин Константинович, – Лева кивнул. – Показать сотрудникам журнала. К редактору заходить?

– Естественно. Валя вас ждет.

– Вместе учились или воевали? – поднимаясь, осведомился Лева.

Полковник что-то искал в ящике стола и рассеянно ответил:

– С Валькой? С Валькой мы Гамлета на пересменку... – он поднял на Леву взгляд, резко захлопнул ящик. – Какое вам дело, собственно? Главный редактор журнала – Валентин Сергеевич Краснов. Марш отсюда, сыщик, видите ли, выискался.

«Быть или не быть», напевал Лева по дороге в редакцию. Интересно на полковника в роли Гамлета посмотреть. Лева уже представил, как рассказывает в отделе о юношеском увлечении начальника, даже руки потирал.

В редакции на дверях не хватало досок крест-накрест и плакатика: «Все ушли на фронт». Лева подергал холодные никелированные ручки, заглянул в приемную. Секретарша пила чай, не ожидая вопроса, сказала:

– Редколлегия.

– Извините. – Лева прикрыл за собой дверь, давая понять, что уходить не собирается.

Стремясь сохранить губную помаду, секретарша пила чай, смешно складывая губы буквой «о». Леве захотелось дунуть в этот перламутровый кружочек. Он попытался представить, как журналисты знакомятся с секретаршами. В уголовном розыске, когда требуется подлизаться к секретарше, существует испытанный прием. Следует потереть глаза, зевнув, намекнуть, мол, ночка сложилась непростая, бандит уходил, отстреливаясь. По правилам игры можно рассказывать все, кроме правды, хвастаться настоящими делами считается дурным тоном. Инспектор сочиняет, а секретарша знает, что он сочиняет. Однако такие мелочи не лишают никого удовольствия, опытный рассказчик за ерундовую новеллу может получить почти невозможное, к примеру, ему отпечатают справку для начальства не завтра, а до обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.